

МАРА ВУЛЬФ

СКИШЕТР

18+

СВЕТА

Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары Вульф

Мара Вульф

**Египетские хроники.
Скипетр света**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Вульф М.

Египетские хроники. Скипетр света / М. Вульф — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Немецкие фэнтези-бестселлеры Мары
Вульф)

ISBN 978-5-04-173461-9

Я Нефертари, и дело всей моей жизни — охота за украденными произведениями искусства. Я профи, готовая к любому вызову. В поисках мне помогает родной брат Малакай, граф Мапдевиль, и мы сами решаем, какое сокровище выбрать новой целью. По крайней мере, так было, пока не появился Азраэль, ангел смерти. Заносчивый и дерзкий, он требует, чтобы я нашла для него Скипетр света. Этот символ власти спасли бессмертные две тысячи лет назад, когда затонула Атлантида. Я бы точно отказалась, если бы коварный Азраэль не стал шантажировать меня жизнью моего брата. И теперь, если я вовремя не отыщу скипетр, тот унесет его душу в царство мертвых. Азраэль знает: ради Малакайя я сделаю все, что угодно. Но он еще не догадывается, на что я действительно способна....

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-173461-9

© Вульф М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Леди Нефертари де Вески	6
Тарис	10
Азраэль	20
Тарис	31
Азраэль	49
Тарис	56
Азраэль	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мара Вульф

Египетские хроники

Скипетр света

*Посвящается Никки.
Без твоего стихотворения об ангеле смерти я бы никогда не
пробудила к жизни Аза.*

Marah Woolf
Zepter aus Licht – AtlantisChroniken 1

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2022 by Marah Woolf (www.marahwoolf.com), represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Originally published 2021 by Marah Woolf, Germany

© Офицера И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Леди Нефертари де Вески Тарис

Бостон, Бикон-Хилл

Октябрь

Я стою в тесном переулке и наблюдаю за домом на другой стороне улицы. Откуда-то несет мусором и отбросами, и я морщусь. Не ожидала подобного в столь фешенебельном квартале, и это делает мое пребывание здесь не очень-то приятным. Бикон-Хилл – самый дорогой район Бостона, и предполагается, что в нем чисто и опрятно.

Если бы тип, который живет вон там, в шикарном доме, хоть раз подошел к своему чертову телефону, мне бы не пришлось околачиваться тут под морозящим дождем. Но он велел передать, что его нет, потому что давно знает, чего я от него хочу. Надо было заплатить за молчание охраннику в Каире. Вынужденный кормить пятерых детей, тот потерял работу. Естественно, после того как я выпытала у него имя, охранник позвонил своему бывшему заказчику, мерзкому менеджеру хедж-фонда¹, у которого денег больше, чем требуется человеку. То, что я об этом не подумала, злит меня больше всего, однако тогда все мои мысли крутились вокруг Малакая. Моему брату с каждым днем становится все хуже. По-хорошему, я должна сейчас находиться с ним, но вместо этого... Меня накрывает новой волной зловония. Просто отвратительно, готова поспорить, что этот запах уже впитался в мою одежду. По спине пробегает холодок. Я не верю в призраков и прочую ерунду, но Бостон – город с богатой историей, так что все возможно. Однако, обернувшись, я вижу лишь сумрак. Свет с соседней улицы абсолютно не проникает в этот переулок, и это превращает его в идеальное место, чтобы спрятаться. Старомодные газовые фонари, расставленные вдоль кирпичных тротуаров, больше украшают, чем разгоняют тьму. В Бикон-Хилл все стилизовано под старину, чтобы привлечь внимание туристов. Даже дурно пахнущий переулок обладает некоторой долей исторического шарма. Впрочем, это и не переулок вовсе, а просто узкий проход.

Позади меня раздается скрежет, словно кто-то точит когти о кирпичную стену. Часто путешествуя, я ко многому привыкла и, конечно, не брезглива, но ненавижу крыс. Поэтому нащупываю скрытый под мягким кожаным пальто нож на поясе и перцовый баллончик в кармане джинсов. Все там, где и должно быть. Мне нечасто приходится обороняться, однако перестраховка не повредит. Люди, с которыми я имею дело, не любят попадаться, но, увы, время от времени оказываются слишком глупы, позволяя мне выследить себя. И тот парень внутри – не исключение. Сейчас он встал и подошел к ярко освещенному окну, чтобы задернуть шторы. И пусть я на сто процентов уверена, что он меня не видит, от его взгляда у меня покалывает кожу. По венам проносится адреналин. Вот что круче всего в моей работе – возбуждение, перед тем как я наконец настигаю добычу, на охоту за которой порой трачу несколько месяцев. Маленькая фигурка, которую я разыскиваю в этот раз, находится в доме. Однако ей там не место. Но этот парень ее отдаст, в итоге все они всё отдадут.

С моря на старинные улицы наползает туман, и последние солнечные лучи исчезают. Двигаюсь вперед, и мне неожиданно чудится тихий рык. Однако я больше не оборачиваюсь. Шагаю по улице мимо черной низкой ограды и поднимаюсь по ступенькам к выкрашенной в темно-зеленый цвет двери, обрамленной резной полукруглой аркой. Наверняка дом стоит

¹ *Хедж-фонд* (hedge fund) – это инвестиционный фонд, который объединяет деньги инвесторов и вкладывает их с целью получить максимальную прибыль при наименьших возможных рисках.

целое состояние, но бедный человек и не смог бы позволить себе краденую статуэтку. Я жму на звонок, и вскоре после этого дверь распахивается.

Мужчина не рад меня видеть.

– Мисс де Вески, – несмотря на это здороваются он. – Мне казалось, моя секретарша ясно дала вам понять, что я не заинтересован во встрече. Тем более мне не нравится, когда меня беспокоят на личной территории.

Я не стала указывать мужчине на то, что по правилам этикета следовало употребить мой титул, все-таки оставляла ему свою визитку. Но у американцев просто отсутствует воспитание.

– Как хорошо, что я подождала, пока уедут ваша красавица-жена и дети. Мы ведь не хотим, чтобы милые малыши узнали, что их папочка – вор.

Пухлые щеки и толстая шея мужчины наливаются красным, я же пользуюсь шансом и протискиваюсь мимо него.

– Закройте дверь! – велю я. Невзирая на то что обычно этот человек отдает приказы сотне подчиненных, на этот раз он выполняет мое требование. – У меня мало времени, поэтому предлагаю отдать статуэтку, прежде чем я отправлю полиции доказательства того, что вы приобретаете краденые товары. Ни вы, ни я не желаем судебного разбирательства. Я лишь хочу вернуть фигурку в музей, где она и должна находиться.

– Я не знал, что статуэтку добыли незаконным путем, – заявляет он, сжимая и разжимая кулаки.

Готова поспорить, он бы с удовольствием свернул мне шею, только смелости не хватает. Мне знаком этот тип мужчин. Собираясь с приятелями, они отпускают презрительные шуточки о женщинах, иностранцах и социально незащищенных слоях общества. То есть обо всех, кто не настолько привилегирован, как они. В своем высокомерии они чувствуют себя неуязвимыми. Поодиночке же в основном оказываются поистине жалкими, особенно если уличить их в каких-нибудь грязных делишках. Подобные люди настолько боятся потерять свою респектабельность, что обычно делают то, что я приказываю. Так и этот экземпляр, который сейчас стоит передо мной. Мнимые друзья моментально от него отвернутся, если я натравлю прокуроров, и без разницы, что у каждого из них рыльце в пушку. К счастью, он достаточно умен, чтобы это осознавать. Я склоняю голову набок и никак не комментирую его смехотворное оправдание. Глупость не защищает от наказания.

Резко развернувшись, он направляется к двери с правой стороны узкого коридора. Внутри дом обставлен со вкусом, как того и ожидаешь, глядя на него снаружи. У мужчины идеальная жизнь, и вряд ли он готов ею рискнуть. Не ради тысячелетней фигурки, пусть я и в курсе, что он заплатил за нее свыше миллиона долларов. Поистине напрасная трата, учитывая, что он мог только хранить ее в сейфе и никому не показывать. Насколько жалким должно быть существование, если удовлетворение приносят одни лишь вещи?

Я молча последовала за мужчиной и теперь наблюдаю, как он отпирает сейф.

– Вы принесли для меня ее копию? – глухо спрашивает он, вынимая маленькую коробочку.

– Естественно.

Я вытаскиваю из кармана пальто полноразмерную копию и ставлю на стол. Его жена не заметит, что это ненастоящая статуэтка.

Он протягивает мне коробку, и я осторожно ее открываю. При виде позолоченной деревянной фигурки у меня перехватывает дыхание. Божество держит юного фараона Тутанхамона. В смысле, он сидит над головой божества, а если еще точнее, то у него на руках. На фараоне корона, напоминающая головной убор Нефертити, хотя окончательно так и не доказали, что она являлась его матерью. Я бережно извлекаю статуэтку из коробки, заворачиваю в платок и прячу в свою сумку.

– Египетский музей благодарит вас за сотрудничество. – Хмыкнув, мужчина бросает копию в коробку и ставит ее обратно в сейф. – В будущем я бы посоветовала вам отказаться от подобных сделок.

– Всего доброго, мисс де Вески, – цедит он, сузив глаза.

Этот человек вступил в игру и проиграл, поэтому не получается винить его за разочарование. Я пожимаю плечами и ухожу. Слава богу, он за мной не идет, так что я закрываю за собой входную дверь и с облегчением выдыхаю. Теперь осталось только отвезти фигурку домой, и моя работа будет выполнена. Я, кстати, уже совсем выдохлась, к тому же проголодалась и вымоталась. Последние две недели сильно потрепали мне нервы. Даже эйфория от победы не способна прогнать из тела усталость. На мгновение подставив лицо под освежающие капли дождя, я по нескольким ступенькам спускаюсь вниз и почти бегом устремляюсь вправо по улице. Людей на дороге практически нет. Я плотнее запахиваю на себе пальто. До небольшого отеля, в котором можно будет поспать пару часов, идти не слишком далеко. Увы, самолет у меня завтра в несусветную рань.

Полную луну заслоняет туча, и вокруг становится еще темнее. Я ускоряю шаг, а сама уже мысленно стою под горячим душем и лежу в мягкой постели. И только из-за этой фантазии рык у себя за спиной слышу лишь тогда, когда становится слишком поздно.

«Глупая ошибка новичка», – это последнее, о чем думаю, прежде чем на меня обрушивается громадное вонючее тело. Я падаю коленями на неровные кирпичи. Лишь за миг до того, как лицом врезаться в тротуар, мне удается сгруппироваться. Что-то склизкое капает на щеку, обжигая кожу. Твою мать! Отправь тот богатей по моему следу наемного убийцу, я бы сейчас не попала в такую передрыгу. Но на меня определенно взгромоздился не человек, а демон. И пусть из-за навалившейся тяжести мне почти нечем дышать, я нащупываю в джинсах перцовый баллончик и параллельно молюсь, чтобы статуэтка в сумке не разбилась. К сожалению, в этом случае придется оторвать руки и ноги демону, который облизывает мою щеку и, по всей вероятности, уже прикидывает, какова я на вкус. Если, конечно, выживу. Сердце стучит у самого горла, и я действую скорее инстинктивно, чем обдуманно. Приподняв бедра, смещаю их влево и правым локтем бью чудовище в бок. Оно довольно недемонически взвизгивает, а я пользуюсь моментом, чтобы перевернуться и врезать ему кулаком в нос. Демон отшатывается, а я вскакиваю на ноги, хоть мне и мешают непрактичное пальто и сумка. Сделав шаг назад, пытаюсь сориентироваться. Монстр бросается ко мне, но в тот же миг я вскидываю вверх руку, брызгаю слезоточивым газом в огромные пылающие глаза и пинаю его между толстых, похожих на колонны, ног. Он воет от удара по причинному месту. Но, к несчастью, не убегает, а вновь ломится вперед. Когтистые лапы рассекают воздух. Видеть меня он не может, потому что держит глаза закрытыми. Этот спрей, как утверждалось, способен свалить даже медведя. Впрочем, по отношению к демонам он, похоже, не столь эффективен. Пока он ослеп, надо спастись бегством. Я разворачиваюсь, но чудовище цепляет ремень сумки и дергает меня назад. Рухнув на спину, я начинаю хватать ртом воздух. Тем временем его лапа обвивает мою шею и сжимается. Я пытаюсь освободиться, но безуспешно, хватка лишь усиливается. Перед глазами у меня пляшут звездочки, а на лицо снова капает слюна. Уже чувствую, как начинаю терять сознание, но раньше Малакая я не умру. Это просто невообразимо. Последняя мысль придает мне сил. Внезапно вспыхивает яркий свет, и возле моего уха раздается визг, настолько громкий, что на секунду меня оглушает. Затем исчезает давление с горла. Порыв ветра накрывает меня облаком зловонного горячего праха, и на небе снова показывается полная луна. Закашлявшись, я резко глотаю воздух и приподнимаюсь на локтях. Все тело у меня местами горит, местами болит. Однажды я стану слишком стара для всего этого дерьма.

Передо мной возникает мужской силуэт.

– Я ожидал от вас большего, мисс де Вески. Это был всего лишь обыкновенный демон врат, головорез. Как насчет того, чтобы в следующий раз использовать настоящее оружие? – Звучать более безразлично его голос просто не мог бы и более высокомерно тоже навряд ли.

– А как насчет помочь мне встать, вместо того чтобы задавать тупые вопросы?

Пусть подойдет ближе, чтобы я рассмотрела его или тоже врезала ему между ног, если он и меня решит превратить в кучку пепла. Сегодня однозначно не мой день. А ведь изначально задание выглядело относительно нормальным. Ничто не указывало на связь с бессмертными.

В ответ слышится холодный смех, от которого у меня мороз по коже сильнее, чем от недавнего нападения. Вероятно, будет лучше, если он останется, где стоит. Парня передо мной можно назвать как угодно, но не обыкновенным. С расстояния не менее дюжины шагов он обратил демона в кучку горячей пыли. Исключительно при помощи своего света. И тем самым сразу дал понять, кто он такой. Ангел.

Кое-как поднявшись, я защитным жестом кладу руку на сумку. Если он явился за статуэткой, буду вынуждена разочаровать. Эта вещица ему не достанется. Снова раздается тихий холодный смех, а потом меня накрывает волной его запаха. Я различаю песок и воду, воздух и землю. Парень еще не знает, но теперь по аромату я сумею узнать его всегда и везде. Я очень горжусь своим обонянием. Впрочем, сомневаюсь, что мы еще когда-нибудь встретимся. Все это явно не что иное, как нелепая случайность.

– Счастливого пути, – прощается он. – И впредь будьте осмотрительнее. – А потом разворачивается и просто уходит.

Лишившись дара речи, я не двигаюсь с места, пока он не скрывается за ближайшим углом. В это трудно поверить, но ангел только что спас меня от демона врат подземного мира. Видимо, это что-то новенькое, ведь, насколько мне известно, бессмертные не воюют друг с другом уже целую вечность. Тем более ради того, чтобы спасти жизнь простому человеку.

Тарис

Сомерсет, Пикстон-Парк

Днем позже

Я тихо открываю дверь в спальню брата. Если он спит, ни в коем случае не желаю его будить, но мне необходимо хотя бы его увидеть. Опасения оказываются напрасны. Стоит двери приоткрыться всего на маленькую щелочку, и я слышу до боли знакомый звук. Его пальцы порхают по клавиатуре ноутбука, как будто между ним и компьютером существует какая-то магическая связь. Я тут же переступаю порог. Раз брат работает, значит, хорошо себя чувствует. По сути, это чудо, что он до сих пор может двигать руками и пальцами. Чудо или работа его железной воли. Селкет, огромная собака породы родезийский риджбек, которая в мое отсутствие буквально не отходит от брата и даже сейчас лежит рядом с его кроватью, поднимает голову. Она неторопливо встает, семенит ко мне, и я здороваюсь с ней, почесывая морду:

– Привет, моя сладкая. Ты хорошо присматривала за Малакаем?

В ответ она издает тихое урчание.

– Хорошо, – переводит брат.

Он заканчивает печатать, после чего поднимает взгляд и широко мне улыбается. Пепельно-русые волосы растрепались и торчат во все стороны, а очки висят на кончике носа, но темно-карие глаза не утратили ни капли блеска, несмотря на то, что болезнь оставила на нем отпечаток. При виде брата у меня разрывается сердце. Я медленно приближаюсь к нему, и Селкет не отходит от меня ни на шаг.

Эта спальня – самая красивая и просторная комната в доме. Кровать стоит в центре, чтобы Малакай мог смотреть из окна на большой сад. Осень с ее алыми и желтыми красками – это его любимое время года, и я боюсь, что в этом году брат видит ее в последний раз. Он сидит в окружении множества поддерживающих подушек на гигантской старинной кровати с балдахинном, где спали еще наши предки, и его кожа блее постельного белья, которое должно согревать исхудавшее тело, но, по всей вероятности, не справляется со своей задачей.

– Мы... мы это сделали. – Скрывая ужас от его изможденного вида, я глупо танцую в честь победы босыми ногами на покрывающем каменный пол персидском ковре. Он тоже старинный, как почти каждый предмет в этой комнате, да и во всем доме. Одновременно я поднимаю вверх фигурку, которая, на мое везение, благополучно пережила атаку. Я не показываю брату своего страха. Никогда. – Ты же во мне не сомневался.

Забираюсь на кровать и сажусь по-турецки в ногах. Селкет тут же запрыгивает к нам, устраивается рядом и кладет голову мне на коленку. Со времени моего отъезда Малакай еще больше похудел, хоть я и отсутствовала всего две недели. Вокруг сердца у меня будто сжимается кулак. Когда-то брат был моим рыцарем в сияющих доспехах, примером для подражания, защитником. Теперь он выглядит слабым подобием того юноши, и я ничего не могу сделать. У него мышечная дистрофия – неизлечимое наследственное заболевание, которое медленно, но неуклонно ослабляет мышцы. Первые симптомы проявились довольно поздно для его типа, однако с тех пор болезнь стремительно прогрессирует. В последние два года брат практически перестал вставать с постели, и, по прогнозам врачей, ему осталось недолго. По их мнению, только воля еще поддерживает в нем жизнь. Воля и нежелание оставлять меня одну.

Наклонившись вперед, Малакай аккуратно берет у меня статуэтку.

– Без тебя я бы ни за что так быстро не справилась.

Когда его не станет, я больше не буду гоняться за сокровищами. Вместо этого найду себе какую-нибудь скучную работу в музее. К глазам подступают слезы, но я их смагиваю.

Брат улыбается, не отрывая взгляда от позолоченной фигурки. Она считалась бесследно пропавшей. С тех пор никому не удавалось ее отыскать. Ну, до этого момента. Всякий раз, когда мы с Малакаем отправляемся на поиски, непременно находим исчезнувшую вещь. Музеи или законные владельцы нередко платят заоблачные суммы за возвращение украденных предметов. Не то чтобы мы бедно жили, но эти деньги уходят на лечение брата. А недавно я обнаружила для него новый вариант терапии. Осталось только уговорить Малакаю на него согласиться.

– Она прекрасна. – Бледными пальцами он благоговейно обводит контуры статуэтки. – Я рад, что теперь она сможет вернуться домой. Туда, где и должна находиться.

Брат искал бы эти сокровища и без вознаграждения, но я не хочу и не могу отказываться от оплаты. Потому принимаю только те заказы, которые выгодны нам. Малакай не подозревает, сколько из них я отклоняю, хотя у меня самой сердце кровью обливается от того, сколько ценных произведений искусства украдены и спрятаны в частных коллекциях богачей, которые никогда не осознают их реальной значимости. Предметы, которые мы разыскиваем, были созданы сотни, а то и тысячи лет назад людьми с теми же мечтами, желаниями и эмоциями, что и у нас сегодня. Они любили и ненавидели. Побеждали и терпели поражения. И все это связывает нас сквозь время. Поэтому важно напомнить человечеству, что существовали поколения, которые жили до нас, и появятся другие, которые будут жить после нас. Наше отношение к собственному наследию много говорит о том, насколько мы ценим будущее. И тем не менее мне приходится делать выбор. Принимай я все предложения, постоянно находилась бы в разъездах, пока Малакай вынужден находиться в Пикстон-Парке и медленно угасать в одиночестве. Огромный участок земли и родовое поместье нашей семьи расположено в прекрасном Сомерсете, и брат заставил меня пообещать, что я позволю ему умереть здесь. Впрочем, допускать этого я не намерена. Наши родители мертвы, а я не останусь одна. Мы не испробовали еще столько всего, что могло бы помочь.

– Значит, вчера все прошло гладко, сестренка? – У него трепещут веки. Даже этот мой краткий визит утомляет Малакаю. Я поздно приехала, а он, наверное, целый день меня ждал.

– Да, – подтверждаю односложно. – Я бы прилетела раньше, но рейс из Бостона в Лондон задержали.

Время уже близится к вечеру. Ненавижу расставаться с братом, ведь каждая минута с ним бесценна. Две недели, которые я отсутствовала, показались мне вечностью. Бывший охранник Египетского музея, который похитил статуэтку, оказался чрезвычайно упрям. Из-за этого мне постоянно приходилось откладывать отъезд из Каира, пока наконец-то не удалось выпытать у него, что он продал вещь одному менеджеру хедж-фонда в Бостоне. Охранник собирался отрицать факт кражи, однако мы с Малакаем собрали неопровержимые доказательства. К счастью, вчера покупатель сдался быстрее, чем предполагалось, в результате чего мое пребывание в Бостоне ограничилось только двумя днями. У меня мелькает мысль рассказать брату о нападении демона и об ангеле, но решаю не беспокоить его. Он и так часто ворчит, потому что всякий раз активную часть нашей работы приходится выполнять мне. Я сворачиваюсь клубочком рядом с ним, как мы с самого детства делаем.

– Надо было поехать со мной в Египет, – говорю я. – Тепло пошло бы тебе на пользу. Ты мог бы остановиться в нашем доме в Луксоре.

Там у нашей семьи поместье, в котором мы жили с родителями, пока те проводили раскопки.

– В следующий раз, – обещает Малакай, и от моего сердца откальвается еще один крохотный осколок, потому что по тону слышно: он не верит, что когда-нибудь туда вернется. Да и в таком тяжелом состоянии, как сейчас, путешествие потребовало бы от него чересчур много сил.

Так что следующие полчаса я описываю ему страну нашего детства. Напоминаю о горячем солнце, просторах пустыни, раскачивающихся на ветру платанах и бескрайнем небе. После гибели наших родителей во время песчаной бури он не появлялся там. Мне тогда исполнилось четырнадцать лет, а Малакаю еще не было восемнадцати. Осиротев, мы вернулись в Англию, но Египет остался нашей истинной родиной. Порой я боюсь забыть, как счастливо мы жили там четвером. Когда брат умрет, только я одна буду лелеять воспоминания, блекнувшие с каждым днем.

Когда его дыхание выравнивается, я замолкаю. Только слезинка капает из уголка глаза и теряется в белом постельном белье. Я отчаянно борюсь с неизбежным и не готова просто так сдаться. Селкет трется головой о мою ногу, словно стараясь утешить. Она уже давно смирилась и проводит с Малакаем так много времени, что порой я ей завидую.

– После того как я умру, – раздается в тишине шепот, – отвези меня обратно в Египет. Отдай мой прах пескам пустыни, как мы сделали с мамой и папой.

– Ты не умрешь. – Я смахиваю со щеки очередную слезу. – Немедленно прекрати нести чушь.

– Пообещай мне, Тарис, – улыбается он, когда я сажусь.

Я лишь отрицательно качаю головой.

– Пожалуйста. Я больше не могу, и осталось уже недолго.

И снова получает в ответ лишь качание головой. Не позволю выжать из себя еще одно глупое обещание. Иначе брат ухитрится умереть сразу, как только уверится, что я исполню все его пожелания.

– Нам надо поговорить об этом, котенок. У меня уже не так много времени.

Котенок. Так он называл меня в детстве, потому что я не отходила от него ни на шаг. Кажется, что с тех пор прошло лет сто, не меньше.

– Не надо. Пока нет. Я не могу.

В высокую деревянную дверь стучат, и она открывается. В комнату заходит Гарольд с максимально важным выражением лица, присущим, наверное, всем дворецким. Он не только работал на наших родителей, но еще и сопровождал во всех путешествиях. После их смерти он заботится о нас, как о собственных детях, а мы любим его как дедушку, которого у нас никогда не было.

– Что случилось?

Надеюсь, еще не приехали из охранной организации, которая должна забрать фигурку. Я хотела оставить ее у Малакаю хотя бы на одну ночь. И пусть это дурацкое суеверие, но история нашей семьи тесно связана с Египтом, и я верю, что фараон принесет моему брату немного удачи. Естественно, я могла бы и самостоятельно доставить статуэтку в Каир, но в таком случае мое отсутствие затянулось бы еще сильнее.

– К тебе пришли, Тарис, – как всегда, дипломатично сообщает Гарольд и неодобрительно смотрит на Селкет, которой не место в постели, но никто из нас не следует этому правилу. – Новый клиент.

О наших успехах и способностях ходят слухи. Я работаю не только на правительства и музеи, все чаще на поиски украденных произведений искусства меня отправляют частные лица. В их случае речь в основном идет о похищенных картинах. Я встаю с кровати, обрадовавшись, что появилась возможность сбежать от навязчивой просьбы.

– Я его провожу, и мы сможем поужинать вместе.

Малакаю устало улыбается:

– Хотя бы послушай, что он ищет.

Мне все равно. Не хочу расставаться с братом, пока не выясню, подойдет ли ему найденная мной новая терапия. Я уже выслала все его документы в клинику «Мейо» в США и теперь жду ответа. Безусловно, Малакаю не отцепится и будет настаивать на продолжении разговора.

Но я не желаю обсуждать с ним его похороны. К такому я еще не готова. И вряд ли когда-нибудь буду готова.

Гарольд встревоженно поглядывает на моего брата. Причина, почему дворецкий не сообщил мне, насколько сильно ухудшилось его самочувствие, может заключаться только в том, что Малакай сам ему запретил. Болезнь протекает поэтапно. До сих пор после каждой стадии он собирался с силами. Так будет и на этот раз. Он боец. Если брат когда-нибудь сдастся, то неизбежно умрет. Независимо от моего желания.

– Передай клиенту, что он зря явился, – прошу я Гарольда. – Скажи, что у нас уже распечатан график и для него нет времени.

– Этот клиент не из тех, кого можно выставить, – прочистив горло, говорит дворецкий. – Тебе следует с ним побеседовать.

Гарольд теребит воротничок, что для него несвойственно. Как и всегда, сегодня он одет безупречно. Увидев дворецкого в таком виде, вряд ли кто-то сможет представить себе, что раньше он катался вместе с нами по паркету бального зала. При этом снимал максимум пиджак, но ни разу жилет или галстук. А под конец никогда не выглядел настолько взлохмаченным или вспотевшим, как Малакай или я. Того, что почти в восемнадцать лет брат занимался со мной такой ерундой, чтобы утешить после потери родителей, я никогда не забуду.

– Иди, – велит Малакай успокаивающим тоном. – Я еще чуть-чуть посплю, а потом ты расскажешь, что ищет этот человек. Погуляешь с Селкет немного в саду, Гарольд? – обращается он уже к дворецкому. – Ей нужно немного подвигаться.

– Разумеется, – отвечает тот и придерживает дверь, чтобы собака выскочила наружу.

Признавая поражение, я целую Малакаю в холодную щеку. Плевать, что ищет этот человек, хоть Святой Грааль. Я останусь в Пикстон-Парке. Мне надо позаботиться о том, чтобы Малакай не утратил желание жить. Надо... От страха у меня перехватывает дыхание, но я храбро улыбаюсь. В конце концов, это не я здесь нуждаюсь в сочувствии и внимании.

– Кто там? – спрашиваю я у Гарольда, когда чуть позже мы пересекаем широкие коридоры поместья. Селкет идет у моих ног. И пусть все во мне стремится броситься обратно к Малакаю, но я держу себя в руках.

– Лучше тебе одеться более подходящим образом, – вместо ответа заявляет дворецкий.

– Зачем? Он ведь собирается нанять меня не из-за шмоток. Кроме того, я приму предложение, только если смогу выполнить его отсюда. Ты не рассказывал, как плохо себя чувствует Малакай.

– Он этого не хотел, – подтверждает мое недавнее предположение Гарольд. – А я уважаю его желания. Осталось слишком мало вопросов, относительно которых он сам в состоянии принимать решения. – В словах дворецкого сквозит немой упрек, который я старательно игнорирую. – Итак, как насчет платья?

– Ни за что, – едва не споткнувшись от такой просьбы, отмахиваюсь я. – Платье, серьезно? У меня вообще они есть?

Гарольд по-отечески укоризненно хмурится:

– Ты, как обычно, забываешь о своем статусе, моя дорогая. А я каждый год беру на себя смелость покупать тебе парочку платьев.

– Это те штуки в пластиковых чехлах? – подтруниваю я и беру дворецкого под локоть. – Ты же знаешь, плевать я хотела на свой статус. Главное, чтобы клиенты платили хорошо и быстро... Обычно они так и поступают, когда я достаю то, что они ищут. А это я могла бы делать и гольшом. Единственное, что для них важно, – результат.

Гарольд прочищает горло и резко останавливается. Мы как раз дошли до галереи с фамильными портретами. С правой стороны коридора на темно-красных шелковых обоях висят громадные картины наших предков, неодобрительно вззирающих на меня сверху вниз. По левой стороне тянется длинное панорамное окно с видом на сад. Солнце уже опустилось

очень низко, и если в октябре в Египте все еще довольно тепло, тут об этом не может быть и речи. Неудивительно, что Малакай постоянно мерзнет.

Селкет грозно рычит, что на нее абсолютно не похоже. Несмотря на свой почти опасный вид, на самом деле эта собака ласковая, словно весенний ветерок. Впрочем, если понадобится, нас с Малакаем она будет защищать ценой собственной жизни. Мы, так сказать, щенки, которых у нее никогда не было. В стремлении успокоить кладу руку ей на спину и поднимаю взгляд, чтобы понять, что настолько вывело собаку из себя.

На меня со скучающим видом смотрит пара зеленых глаз под надменно изогнутыми черными бровями. При попытке не отпрянуть под этим пристальным взглядом моя ладонь впивается в шерсть Селкет. Собака тихо скулит и плотнее прижимается ко мне. Не совсем понятно, от страха или чтобы меня защитить, но я расслабляю руку и успокаиваю ее, поглаживая карамельный мех.

– Мистер Армитедж, если не ошибаюсь, я распорядился проводить вас в гостиную. – И хоть обычно Гарольд олицетворяет собой самообладание, но сейчас его голос звучит резко. В дальнем конце галереи видно ретировавшегося в страхе слугу. Я тоже удивлена. Отсюда до гостиной, где я обычно принимаю посетителей, еще пара коридоров.

– Так и есть, – прямо и без тени угрызений совести заявляет мужчина. – Мне просто стало интересно. – Он стоит как минимум в двадцати шагах от нас, но я чувствую, как его взгляд спускается по моей футболке, джинсам с дырками на коленях и босым ступням.

Я узнаю этот голос, потому что уже его слышала. А если точнее, не далее как вчера вечером. В итоге, чтобы узнать его, мне даже не нужно принохиваться. Я узнала его даже в угасающем дневном свете. С мужчинами я часто имею дело. Многие из них достаточно могущественны. Однако это совсем другая категория. Мужчина передо мной не просто могущественный, он... Нет смысла ходить вокруг да около. Стоящий напротив парень – ангел, который вчера меня спас, и не какой-то обыкновенный. В моей фамильной галерее стоит Азраэль Армитедж.

Если мои сведения верны, он является Верховным главнокомандующим армии высших ангелов и подчиняется напрямую *аристоям* – первым из первых в Атлантиде. Это совет, правящий бессмертными. По большей части люди не подозревают об их существовании, и бессмертных это вполне устраивает. Увы, вся моя семья страдала одной особенной болезнью – пресловутым любопытством. Сей недуг не пощадил ни наших предков, ни родителей, ни нас с Малакаем, из-за чего мы не можем причислить себя к неосведомленному большинству. Мы прекрасно проинформированы о том, что между небом и землей полно жутких тварей. Как, например, демоны врат, которые покушаются на человеческую жизнь. Некоторых из бессмертных можно узнать мгновенно, других – не так быстро.

К сожалению, фотографии мистера Армитеджа слишком часто мелькают в соответствующих социальных сетях, чтобы я не имела представления о том, кто он. Не будь вчера на улице так темно, я бы его узнала. Вот только интересно, что он забыл на Честнат-стрит в Бикон-Хилле. Именно в тот момент, когда там находилась я. Я и демон. Если верить Instagram² этот парень предпочитает окружать себя всемирно известными топ-моделями или актрисами и устраивать дикие оргии. Он определенно не играет в Супермена и не спасает попавших в беду дев. Но хотя бы крылья прячет, чего я не ожидала от позера вроде него. Остается вопрос: почему Азраэль слоняется по нашему поместью и ведет себя тут как полноправный хозяин?

– У вас тут интересная коллекция. – Он разглядывает маленький позолоченный ящичек в стеклянной витрине. – Наследие Рамзеса II, – правильно идентифицирует ее ангел. – Шкатулка для драгоценностей его любимой супруги?

² Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

Он снова скользит взглядом по мне, а я стараюсь не дрожать. Непохоже, чтобы ангел собирался наброситься на меня и вырвать душу из тела. Еще нет. Нужно расслабиться, пока не выясню, что он задумал.

– Зачем вы спрашиваете, если и так знаете?

Холод гладкого мраморного пола ползет вверх по моим ногам. Теперь мне жаль, что я не послушала Гарольда и не переделалась во что-нибудь другое. Не в платье, конечно же. Этого мужчину лучше всего встречать в доспехах.

– Это одно из украшений, которые лежали в шкатулке? – Он переходит к следующей витрине.

Здесь мы храним любимые находки Малакая. Это последнее, что осталось после раскопок, которые наша семья финансировала в Египте в начале двадцатого века. Большая часть из них уже возвращена, а эти улетят в Каир в тот день, когда брат умрет. Так он решил. До тех пор Гарольд время от времени возит Малакая мимо них на инвалидной коляске. А иногда, когда хорошо себя чувствует, он часами рассматривает их и наслаждается.

– Да, – признаю я, потому что нет смысла скрывать от бессмертного то, что ему и так давно известно. – Чего вы хотите от меня, мистер Армитедж? Полагаю, вы явились сюда не для того, чтобы любоваться нашими семейными реликвиями.

Он вновь поворачивается ко мне и убирает руки в карманы черных классических брюк. Под пронизательными глазами я отмечаю узкий надменный нос и высокомерно вздернутый подбородок. Пиджака на нем нет. Плечи широкие и сильные. Белая рубашка плотно облегает четко очерченную грудь и узкую талию. В отличие от меня, Азраэль до смешного много усилий потратил на свой внешний вид. Закатанные рукава открывают взору татуировки на предплечьях. Длинные полосы разной толщины исчезают под тканью, и я готова поспорить, что они тянутся по всему накачанному телу. Между ними видны точки и завитки, и я могу руку дать на отсечение: каждая точка, какой бы крохотной ни была, несет определенное значение. Если он позволит на них взглянуть, я могла бы их расшифровать. Я не просто так владею множеством мертвых языков и кодов. Уверена, эти татуировки рассказывают историю. Его историю.

– Я бы хотел воспользоваться вашими услугами. – Его мелодичный голос ласкает мою кожу, хотя парень все еще стоит довольно далеко.

– Вы не сможете себе позволить мои услуги, – отвечаю я, мысленно проклиная Гарольда за то, что сразу не отказал ангелу. – Я не веду дел с бессмертными.

Раздается веселый смех, и у меня вверх по шее бегут мурашки. Теперь Азраэль шагает навстречу, а мне приходится собраться с духом, прежде чем посмотреть ему прямо в лицо. Как бы то ни было, но никто не обладает иммунитетом от красоты ангелов. Платиновые волосы обрамляют слегка загорелое лицо с правильными чертами. С одной стороны они распущены, а с другой – заплетены. Он на голову выше меня. Дерзкие глаза цвета зеленого мха внимательно следят за мной.

– Вы выглядите намного моложе, чем есть на самом деле.

Высокомерный козел. А вчера он этого не заметил? Я воздерживаюсь от комментариев, потому что Гарольду не следует знать о моем приключении с демоном. Я выжила, вот что главное. Как назло, этим я обязана Азраэлю. Терпеть не могу оставаться в долгу.

– Вы тоже, – коротко парирую я и радуюсь, когда Селкет толкает его, чтобы парень немного отошел назад.

– Я ничего ей не сделаю, красавица моя. – Он успокаивающе кладет руку на голову моей собаке. Та трется мордой об ангельскую ногу в знак приветствия, а он улыбается, как будто точно знал, что ни одно создание женского пола не способно перед ним устоять.

Надо будет потом серьезно с ней поговорить. Мы так бесстыдно не бросаемся на шею мужчинам. Не хватало еще, чтобы она ему руку облизала. Впрочем, винить собаку за такой энтузиазм я бы не смогла. На вкус он, наверное, так же хорош, как выглядит и пахнет. Я бы

предположила, что Азраэль года на три-четыре старше меня. То есть ему, наверное, двадцать семь или двадцать восемь. Столько же, сколько Малакаю, и тем не менее они как небо и земля. В этом экземпляре, стоящем передо мной, буквально кипит энергия. Понятно, что его молодость – обман. Бессмертные остались в том возрасте, в котором были, когда Атлантида затонула, а они сбежали на материк. На секунду я задаюсь вопросом, каково это – не стареть почти две тысячи лет. Мне двадцать четыре, и иногда я просто дождаться не могу, когда стану старше. С течением времени бремя ответственности давит сильнее или слабее? Что касается меня, с уверенностью могу сказать лишь одно: когда однажды я буду сидеть в кресле перед камином в гостиной Пикстон-Парка и рассказывать своим внукам, что по этим коридорам ходил ангел, Малакаю рядом со мной не будет. Эта мучительная мысль приводит меня в чувство. Я направляюсь вперед:

– Я провожу вас к выходу. Сейчас я не принимаю заказы. Вам не стоило утруждаться и приходить сюда.

Когда я прохожу мимо, Азраэль ловит меня за руку. На мне только футболка, и тепло мужской ладони горит на коже, пока он наклоняется ко мне.

– Мне было не трудно. Однако я надеялся на разговор с вами наедине. Хочу сделать предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Тогда, к сожалению, вынуждена вас разочаровать. Я могу отказаться от любого предложения.

Я держусь подальше от богов, ангелов, джиннов и прочих бессмертных созданий, которые со времен ухода Атлантиды под воду живут среди людей. Достаточно и того, что мне известно об их существовании.

– От этого – нет, – улыбается Азраэль. Не нежно и не очаровательно. На самом деле это вообще вряд ли назовешь улыбкой, и от страха у меня едва не подламываются колени.

На самом деле распознать бессмертного не так уж и трудно. Просто большинство людей видят исключительно то, что хотят видеть, поэтому от них ускользают важные детали. Чаще всего они поступают так от страха, ради удобства или от невежества. Стоящий напротив меня ангел даже не пытается скрыть свою особую ауру. Его фигуру окружает мерцающее сияние, а в глубине глаз пылает огонь. Я всегда надеялась, что мои пути никогда не пересекутся с путями бессмертных. Но это не означает, что я не изучала информацию о них, поскольку величайший грех человека – закрывать глаза перед действительностью. Пока родители были живы, они сами занимались с нами во время экспедиций. В Пикстон-Парке эту задачу взяли на себя бесчисленные репетиторы. Можно смело сказать, что я ходячая энциклопедия.

Поэтому мне прекрасно известно, кто такой Азраэль Армитедж. Это ангел смерти. Он отделяет душу человека от тела, когда тот умирает. Он вычеркивает их имена из Книги жизни и тем самым несет с собой их окончательную смерть. Кстати, для этого Азраэлю даже не нужно к ним притрагиваться. Бьюсь об заклад, он выполняет свою работу одним щелчком пальцев.

Меня сковывает холод, как только я осознаю, зачем он явился. Ошеломленная, смотрю ему в глаза, а Азраэль довольно улыбается. Эту улыбку нельзя истолковать неправильно. Она настолько же язвительная, насколько ледяная.

– Думаю, мы договоримся, – произносит он медовым голосом.

– Гарольд. – Я оборачиваюсь к нашему дворецкому, который с окаменевшим лицом застыл чуть позади меня. – Пожалуйста, распорядись, чтобы в гостиную принесли чай и сэндвичи. Нам с мистером Армитеджем нужно обсудить кое-что важное.

Я никогда этого не допущу. Бессмертные не умирают просто так, сами по себе, но их можно убить и они могут скончаться от болезни. Если ни того ни другого не происходит, то они живут вечно. Пусть я и не боец, но довольно хорошо обращаюсь с ножом, который обычно ношу на поясе. Если понадобится, я воткну его прямо в черное сердце ангела, прежде чем

он успеет приблизиться к Малакаю. Вероятно, для этого подойдет и нож для писем из моего рабочего кабинета.

Гарольд с облегчением выдыхает. Он намного раньше сообразил, что понадобилось ангелу смерти. Теперь дворецкий придерживает Селкет за загривок, не давая последовать за нами, что ей явно не нравится. Вот только я уже сомневаюсь, чего она хочет: защитить меня или поприставать к ангелу.

– Идемте со мной, – приглашаю я.

Азраэль шагает за мной по роскошным коридорам.

– Великолепное поместье, – замечает он некоторое время спустя.

– Да, – коротко откликаюсь я.

Нет настроения для светской беседы. Пикстон-Парк уже несколько поколений принадлежит семье моего отца. Наши предки состояли в родстве с пятым графом Карнарвоном. Нынешний граф, дядя Джордж, после смерти родителей взял на себя опеку над нами и разрешил нам и дальше жить здесь, хотя его жена, тетя Фиона, предпочла бы видеть нас в замке Хайклер, родовом гнезде Карнарвонов, и заботиться о нас там. Но мы с Малакаем пожелали остаться в том месте, где были счастливы вместе с мамой и папой. Я отказалась учиться в частной школе, куда обычно поступали девочки нашей семьи, потому что мы не хотели разлучаться. Граф распорядился нашим состоянием до совершеннолетия Малакаю. В двадцать лет он поступил учиться в Лондон, в то время как я осталась с Гарольдом, прислугой и учителями в Пикстон-Парке. Брат приезжал домой почти каждые выходные. Мы с ним всегда планировали уехать обратно в Египет, но вскоре он заболел.

История нашего рода тесно переплетена со страной на Ниле. В 1914-м пятый граф Карнарвон получил лицензию на проведение раскопок в Долине царей. Он финансировал раскопки Говарда Картера, пока в ноябре 1922 года тот не обнаружил гробницу Тутанхамона и тем самым навлек на нашу семью проклятие фараонов. Под ним я имею в виду не вздор о том, что многие участники умерли при странных обстоятельствах, а проклятие страсти. С тех пор Египет нас не отпускал, и какой-нибудь член семьи почти всегда находится в стране Нила. Этот край околдовал всех нас. Поэтому родители даже называли меня в честь Нефертари, любимой супруги фараона Рамзеса II.

– Вы достойны имени Великой царицы, – прерывает мои размышления Азраэль.

Я хмурюсь. Он правда считает, что комплименты смягчат меня перед шантажом, который он замысливает?

– Вы умеете читать мысли?

– Увы, нет, – невозмутимо отвечает ангел. – Этим даром обладают только боги. Если пересечетесь с Гором, я бы на вашем месте проявил осторожность. Он бывает весьма бестактен.

– Благодарю за предупреждение, – огрызаюсь я. – Навряд ли он забредет в холодную Англию.

– К сожалению, он околачивается в моем доме в Лондоне чаще, чем мне бы того хотелось. Этому парню нравятся английские женщины.

Я закатываю глаза:

– Эту информацию могли бы оставить и при себе. Просто скажите мне, чего хотите, и ступайте своей дорогой.

– Зачем так грубо, Нефертари? – Мы равняемся с дверью в гостиную, и он открывает ее передо мной, хотя в этот момент подбегает слуга. – Я просто хотел поболтать. Вы, кажется, слегка напряжены. Утомительный перелет? Возьмите в привычку летать бизнес-классом. Это гораздо комфортнее.

Какой же напыщенный придурок!

– Тарис, – говорю я, чтобы не намекнуть, насколько было бы полезнее для окружающей среды, если бы он пользовался своими крыльями, вместо того чтобы, как Крѐз³, летать на самолете. Возможно, стюардессы даже помогли ему присоединиться к клубу высотной мили. Я отгоняю от себя непристойные образы, которые появляются у меня в голове. – Все зовут меня Тарис.

«Нефертари» звучит как-то слишком пафосно, хотя мало кто знает, кто моя тетка.

– Как хорошо, что я *не* все.

От последовавшей за этим улыбки я едва не спотыкаюсь, но и только. На мужчин вроде него у меня иммунитет. В большинстве случаев за симпатичным фасадом кроется огромное ничто. Кому-то покажется, что это предрассудки, однако, судя по моему опыту, чистая правда. Красивые мужчины редко утруждают себя тренировкой мозга. Они и так получают все, что пожелают. Лично я не читала еще ни одной статьи об ангелах, в которой бы упоминался их впечатляющий интеллект.

Мы переступаем порог комнаты, куда практически сразу две горничные подают чай и сэндвичи. Я не собираюсь обслуживать этого типа, поэтому наливаю напиток только себе. Потом откидываюсь на спинку дивана и сжимаю чашку обеими руками. Мне холодно от страха, но я ни за что этого не покажу. На арабских базарах я торгуюсь за каждую монету, вот только сейчас мне предстоит самая важная сделка в жизни. Плевать, что ангел попросит за душу Малакая, я ему это достану.

Если Азраэля и задевает моя грубость, виду он не подает. Самостоятельно наливает себе чай и добавляет немного молока. Потом берет два сэндвича с огурцом, откусывает от одного и с наслаждением жует.

– У тебя весьма необычные серебряные глаза, – прожевав, нарушает он молчание и переключается на дружеское обращение: – На самом деле я знаю только одну женщину с такими же глазами, и ты поразительно на нее похожа, разве что стиль в одежде у нее был немного другой.

– Если не ошибаюсь, она не имела права голоса относительно того, во что одеваться. В конце концов, ей требовалось нравиться Рамзесу. Думаешь, она бы оставалась его любимой женой, если бы носила что-то не в его вкусе?

– Наверное, нет, – признает Азраэль. – Рамзес II умел проявлять упрямство, когда дело касалось его потребностей.

– Хватит нести чушь! – рявкаю я. – Между прочим, причина этого сходства лишь в том, что кто-то из моих почтенных предков не смог удержать в штанах свой репродуктивный орган и сделал ребенка какой-то египтянке. Но готова поспорить, что тебе это давным-давно известно.

Азраэль ухмыляется в ответ на не самое приятное объяснение моего существования.

– По крайней мере он признал своего бастарда... и только посмотри на себя. Ты бы могла сейчас жить в каком-нибудь поселении бедуинов.

Я прикусываю язык. И пусть этот разговор ни к чему не приведет, но он прав. Во мне гены египетских предков проявились особенно сильно. Да, кожа у меня очень светлая, но волосы длинные, прямые и, главное, цвета воронова крыла, плюс серебряные кошачьи глаза Нефертари. Они упоминаются не в одном письменном источнике. Даже ее муж Рамзес II написал о них стихотворение своей любимой супруге.

– Чего ты хочешь? – обрываю его рассуждения. А нечего ко мне подлизываться.

Азраэль с довольным видом отпивает еще глоток чая и отставляет чашку в сторону.

– Время твоего брата вышло. Полагаю, ты в курсе.

³ Крѐз – царь Лидии в 560–546 гг. до н. э. Слыл обладателем несметных сокровищ, из-за чего его имя стало нарицательным и вошло в поговорку: «Богат как Крѐз». (Здесь и далее – прим. пер.)

– Это просто обострение. Через несколько дней ему снова станет лучше, – пренебрежительно откликаюсь я. Не позволю ему увидеть боль, которая разрывает мне сердце от этих слов. Ни в коем случае.

– Последний рывок, я бы сказал. Его душа готова уйти, но дух не хочет оставлять тебя одну.

– Его дух сильнее, чем тело и душа, – в отчаянии заявляю я. – Малакай борется. Ты не получишь его душу.

– Это не мое решение.

– Тебя прислал Осирис? Не многовато ли усилий ради одного человека?

Каждое слово обжигает мне горло. Осирис правит миром мертвых и вместе с тем является одним из аристов. Пока брат, Сет, его не расчленил, он руководил девяткой главных египетских богов, Эннеадой, куда входят древнеегипетские божества-создатели.

Азраэль расслабленно делает еще один глоток чая.

– Да, прислал, – помедлив, подтверждает он.

– Так почему же ты просто не заберешь душу Малакай? – Пальцы у меня дрожат так сильно, что приходится поставить кружку, чтобы не расплескать чай. Мне хочется схватить ангела и потребовать, чтобы он исчез отсюда, но я лишь вонзаю ногти в ладони.

Азраэль поднимается и направляется к окну. Мимо меня проносится облако его аромата. Это тот же запах, что и вчера вечером. Запах пустыни после одного из редких ливней. Свежий и одновременно пряный. Странно, насколько мне известно, парень предпочитает жить в Лондоне.

– М-да, почему же я просто ее не заберу. Хороший вопрос. – Он разворачивается ко мне, но облакачивается на подоконник. Позади него высокие клены покачиваются на ветру уходящего лета. Еще немного, и они потеряют все свои листья. – Есть кое-что, чего Осирис желает сильнее, чем душу твоего брата.

У меня внутри все напрягается от этих слов.

– И что же это?

– Аристы ищут одну вещь, которую мы потеряли уже очень давно, и по какой-то причине они считают, что ты сумеешь ее найти. – У Азраэля такой скептический взгляд, что я понимаю: он это мнение не разделяет.

– Насколько давно? – хватаю я приманку, как собака – кость. Ради Малакай я бессмертным и звезды с неба достану.

Азраэль

Я внимательно рассматриваю сидящую передо мной девушку. Ей двадцать четыре, но в джинсах и футболке она выглядит так, будто только что вернулась из школы. Фигура у нее не чрезмерно худая, как сейчас модно, а с хорошими формами. Очевидно, девушка много и с удовольствием двигается. Разговаривает она холодным и вежливым тоном с оттенком высокомерия, как и ожидалось, учитывая ее положение в обществе. А вот чего я не ожидал, так это насколько успешно она вчера защищалась против демона врат. Бесспорно, она бы разделалась с ним и без моей помощи. Забавно, как ее злит мое присутствие. Такие женщины, как она, весьма самоуверенны и самодовольны. Они никогда не сомневаются в себе, поэтому вряд ли найдется тип людей, от которых я мог бы добиться меньших успехов. Кстати, еще в общую картину не вписывается ее невзрачный наряд. Она похожа скорее на дочь садовника, чем на наследницу дворянского рода. Однако то, как девушка вчера сражалась за свою жизнь, заслуживает моего уважения. Она нетерпеливо постукивает по полу босыми ногами, словно едва сдерживается, чтобы не вскочить и не наподдать мне ими под зад. Покачивая головой, я отрываю взгляд от обманчиво невинной внешности и рассматриваю лицо. Кожа у девушки почти прозрачная, но что по-настоящему привлекает внимание – так это глаза. Я солгал. Ее глаза напоминают мне не только о супруге Рамзеса. Еще они напоминают о Нейт. Впрочем, это единственное сходство между этими двумя женщинами. Нейт была нежной и терпеливой. Она была моей возлюбленной, моей лучшей половиной. Без нее моя жизнь стала холодной и серой. Зря я явился сюда, хоть и не мог ослушаться приказа аристов. Они первые и главные среди бессмертных. Их решения – закон для нас. Когда-то я был одним из них, пока не попробовал спасти Атлантиду и с треском не провалился. Это моя последняя попытка восстановиться в статусе. Пусть мне вечно придется жить с грузом вины за падение нашей родины, но, возможно, так мне удастся исправить хотя бы что-то. Указания Исрафила, первого из высших ангелов, и Осириса, которые вызвали меня к себе, звучали однозначно. Если я и в этот раз потерплю неудачу, то больше никогда не займу трон в совете аристов... а это просто невыносимо. Чтобы вернуть свое законное место, я сделаю что угодно, даже свяжусь с этой нахалкой.

Смотрит Нефертари настороженно и на удивление бесстрашно, особенно если учесть, чем я ей пригрозил. Как много можно ей рассказать? О чем она уже знает? Я читал ее биографию. Она достаточно молода, но пережила уже больше, чем большинство людей в три раза старше ее. Чтобы найти скипетр, эта девушка должна быть еще и храброй. Я даже представлять не желаю, кто начнет ее преследовать, после того как она согласится на эту работу. Мой взгляд падает на татуировку у нее на руке. Звезда Давида, оплетенная шипами роз. Видимо, она верит в связь между богами и людьми. Значит, немного наивности в ней все-таки имеется. Меня это вполне устраивает. Надеюсь, это поможет девушке не засомневаться в моей истории. Ни одному смертному не следует знать, что мы разыскиваем на самом деле. У меня прямой приказ убедить ее любыми способами. До сих пор передо мной не устояла ни одна женщина, и эта не станет исключением.

– Прежде чем Атлантида затонула, – начинаю я с полуправды, – мы перенесли на материк священную регалию, Скипетр света. Он имеет для нас огромное значение. – Я на мгновение умолкаю. – Огромное ритуальное значение. Это символ нашего могущества. Однако его у нас похитили.

– И теперь вы считаете, что у меня получится его найти? Как вы вообще на меня вышли? Я приподнимаю бровь. Мне показалось, она не нуждается в похвале. Вот так и ошибаются.

– Очевидно, аристократы слышали о твоих успехах.

Она кивает с таким надменным видом, будто является принцессой, дающей подданному знак продолжить рассказ.

Невольно развеселившись, я качаю головой.

Ее губы изгибаются в легкой улыбке.

– Неужели его у вас украл человек? – Нефертари делает театральную паузу. – Seriously? Поэтому ты здесь? Вы сами не способны мыслить так же просто, как мы?

Я сжимаю зубы. Не заметить ее ехидство просто невозможно. Для того, кто столь многим рискует, она поразительно строптива.

– Не строй из себя дурочку. Бессмертный, конечно. Бог, если быть точным, хотя люди помогли спрятать. – С усилием подавляю разгорающуюся злость. В том, что вынужден просить ее о помощи, я сам виноват. Я и представить не мог, что паду так низко. Но это именно я унес из Атлантиды регалии, которых было три. Причем без ведома остальных аристов, которые, по-моему, не могли и не желали заблаговременно остановить Сета, бога хаоса. Он бы сотворил с этими регалиями ужасные вещи. – Я перенес скипетр из Атлантиды на материк, и стоило мне это сделать, как наша прекрасная родина затонула в недрах океана, – коротко объясняю, как будто этот поступок не связан с самым ужасным моментом в моей жизни. Отмахнувшись от воспоминания, как всегда поступал с тех пор, я отвечаю на ее взгляд. Сейчас девушка должна быть поражена, напугана или шокирована. – Если бы он попал в руки Сета, с его помощью тот бы уничтожил человечество.

Однако Нефертари пристально наблюдает за мной и задумчиво покусывает нижнюю губу, как будто я всего лишь интересный объект, лежащий под микроскопом. Страх передо мной, который она совсем недавно так старательно пыталась скрыть, пропал. Проснувшись деловая женщина, прекрасно знающая, как заключить хорошую сделку, и это вызывает у меня уважение. Мне нравится иметь дело с равными соперниками, а среди людей такие встречаются нечасто. Честно говоря, на ум приходит только один. Царь Соломон, хитрый ублюдок.

– Если я найду тебе скипетр, ты не заберешь душу Малака? – прямо спрашивает она, завершив свои безмолвные размышления.

Вообще-то я не люблю врать, но иногда это просто необходимо.

– Да, тогда он может оставить ее себе.

Нефертари вскакивает, подходит ко мне и протягивает руку.

– Поклянись, – требует она, чем слегка сбивает меня с толку.

Я опускаю глаза на ее тонкие пальцы. Мало кто из людей относился ко мне с подобным неуважением, и я бы с удовольствием поставил ее на место, но приказ был предельно ясен. Почему Исфаил и Осирис считают, что у этой малышки получится найти скипетр, после того как мы сами безуспешно искали его больше трех тысяч лет, мне непонятно. Однако решения аристов связывают меня по рукам и ногам. Девичья ладонь почти тонет в моей, когда я обхватываю ее. Рукопожатие крепкое, а кожа приятно теплая.

– Обещаю, – тихо подтверждаю я, надеясь, что этого ей окажется достаточно. – Но хорошо подумай о том, чего желаешь. У него слабое тело.

Девушка моргает и смотрит на наши сцепленные руки, прежде чем отпустить меня.

– Он поправится, – с твердой уверенностью заявляет она. – Расскажи мне все, что я должна знать о скипетре. Он обладает магической силой? Почему вы начали искать его только сейчас, раз он пропал уже давно? Если верить Платону, Атлантида затонула в 9600 году до нашей эры. То есть почти двенадцать тысяч лет назад. Не то чтобы это случилось позавчера.

Развернувшись, Нефертари направляется к выходу из гостиной. Я следую за ней по прилегающему коридору, где, словно верный рыцарь, ожидает дворецкий. Она заходит в комнату на противоположной стороне, в которой нетрудно распознать рабочий кабинет, и садится за гигантский письменный стол. Мне же жестом предлагает присаживаться напротив, как будто я всего лишь проситель. Эта девушка действительно очень забавная. Я разглядываю темные

книжные шкафы, стопки документов, пергаменты и свитки, разложенные повсюду. Стоящая на столе небольшая статуэтка Эхнатона используется как пресс-папье. Фараон бы в гробу перевернулся, узнай о подобном. Ну и если бы этот гроб у него имелся. Как и большинство мужчин его положения, он довольно много о себе мнил и даже пытался тягаться с бессмертными. Стал первым в длинной череде фараонов, которые считали, что могут вить из богов веревки. Ничего хорошего из этого не получилось. Мы существуем и по сей день, тогда как их царство кануло в Лету.

Запах сигар и бренди пропитал тяжелые шторы, толстый ковер и искусно украшенные деревянные полки. Эту комнату сделали мужчины и для мужчин, но тем не менее Нефертари идеально сюда вписывается.

Она деловито раскрывает блокнот, берет в руку карандаш и устремляет на меня прямой взгляд серых глаз.

– Что ж, – начинает она, – ты перенес скипетр из Атлантиды на материк. С тех пор минуло где-то двенадцать тысяч лет. Когда его украли? Сразу после этого или позже? – Она что-то записывает.

Я наклоняюсь вперед, и только через пару секунд до меня доходит, что она творит. С огромной скоростью эта девушка наносит на бумагу горизонтальные, вертикальные и наклонные значки в форме мелких клинышков. Она надо мной прикалывается?

– Это клинопись.

– Хм, – невозмутимо отзывается она. – Иероглифы в наши дни расшифровываются довольно быстро, поэтому я предпочитаю клинопись вавилонской эпохи. Тем более так писать гораздо быстрее. Я ее немного модифицировала. Итак, где в последний раз видели скипетр?

Терпение определенно не ее сильная сторона. Она еще более странная, чем мне показалось сначала. Девчонка ее возраста должна ходить на вечеринки, напиваться и встречаться с парнями. И ей ни в коем случае не следует постоянно искать сокровища, владеть клинописью и хоронить себя рядом с больным братом в старинном поместье. С ней явно что-то не так.

– Последние слухи о скипетре ходили, когда царь Соломон якобы показывал его царице Савской во время ее визита в Иерусалим, – медленно говорю я, ни на мгновение не отрывая от нее глаз. Тогда я еще надеялся, что сумею выманить у него регалию. К несчастью, этот говнюк оказался умнее, чем я думал. Один-единственный раз я недооценил человека и поклялся себе, что больше со мной такого не произойдет.

Нефертари даже глазом не моргнула.

– Может, Соломон подарил скипетр царице? Говорят, она его весьма впечатлила.

– А он – ее. Царица полюбила его мудрость и сообразительность. – Мой голос буквально сочится сарказмом. Соломон просто хотел затащить ее в постель, вот и все.

– Могу ее понять. Редко встретишь мужчину, обладающего такими качествами. В прошлом все было так же, как и сейчас.

– Кто-то решил пооткровенничать, – замечаю я. – Похоже, ты не слишком высокого мнения о представителях моего пола.

Она лишь выгибает бровь, что, видимо, означает «да».

– Если я правильно помню информацию из источников, это были его единственные положительные качества. Это ведь в его гареме находилось свыше тысячи женщин? Кто-то явно нуждался в доказательстве собственной значимости.

Она бы пнула царя по яйцам, это точно.

– Что правда, то...

Нефертари подозрительно прищуривается:

– Ты с ним встречался, не так ли? Выкладывай.

– Конечно, – не отрицаю я. – В том, что завладел скипетром, мы подозревали еще его отца Давида. К сожалению, не получилось уговорить царя вернуть его нам. И поверь, мы пробовали. Он просто-напросто все отрицал.

– Но ведь боги и ангелы – бессмертные создания. Почему вы не отняли скипетр силой?

Я стискиваю зубы:

– Мы пробовали.

Нефертари смеется:

– Из-за этого вы отправили царю Давиду Голиафа? – Она скрещивает руки на груди, как будто мы сидим в суде. – Голиаф был демоном, да?

Удивительно, как быстро она складывает два и два. Ботаничка с атрофированным инстинктом самосохранения, иначе тряслась бы от страха, но, надо отдать должное, очень умна. В ходе множества миссий эта девушка сталкивалась с огромной опасностью. Ее похищали и ранили, но, подобно кошке, у нее, кажется, куча жизней. Всякий раз ей удавалось возвращаться, причем с тем предметом, который искала.

– Попытаться стоило, но Давид нас перехитрил.

– При помощи камня и пращи. Неловкая ситуация, если тебя интересует мое мнение.

Я кладу локти на стол и чуть подаюсь вперед:

– Подослать к нему Голиафа придумал не я, если ты думала об этом. – Почему я вообще перед ней оправдываюсь?

– Да неважно. Я принесу тебе эту штуку. – Нефертари успокаивающе похлопывает меня по руке, будто маленького ребенка, и от ее прикосновения у меня покалывает кожу. Я возмущенно фыркаю, хотя скорее растерян. То, что любого другого человека повергло бы в страх и трепет, у нее вызывает лишь усталую улыбку. Преимущество на ее стороне, и девушка в полной мере этим наслаждается. А я достаточно великодушен, чтобы позволить ей этот небольшой триумф. Ее и так очень скоро настигнет разочарование.

Больше не обращая на меня внимания, Нефертари снова что-то записывает.

– В Коране есть история о Соломоне. – Она вновь поднимает на меня серебряные глаза. – Там ему приписываются сверхъестественные способности. Якобы он мог разговаривать с животными и джиннами.

– Кто угодно способен пообщаться с джинном, – раздраженно ворчу я, потому что девушка чересчур близко подбирается к правде. – Они почти так же болтливы, как ты.

Ничуть не оскорбившись, она ухмыляется:

– Но Соломон приказал джинну переместить трон царицы Савской в Иерусалим, а не каждый джинн повинуется человеческим приказам, или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Человеку, который попытается это сделать, не поздоровится. Джинны не только болтливы, но и жутко вспыльчивы. Впрочем, всю тяжелую работу в Иерусалиме Соломон поручал им. Джинны выстроили для него немало храмов. – Кое-какие сведения ей все-таки понадобятся, и я без колебаний могу их предоставить.

Нефертари прищуривается:

– Однако утверждалось, что он повелевал джиннами с помощью кольца, которое ему дал ангел, а вовсе не благодаря скипетру.

Я на миг замираю, надеясь, что она этого не заметила. С каждой минутой мне все больше не по себе от этой девушки. Откуда она все это знает? Тем более по памяти! Создается впечатление, что ее готовили к моему приходу.

– Это было не кольцо, – медленно произношу я. Если она планирует обвести меня вокруг пальца, то станет первой в этом доме, у кого я отниму душу.

– Ты не ответил на мой предыдущий вопрос.

– А ты не даешь мне шанса ответить, потому что тараторишь без остановки.

– Ты прав, извини, – морщится Нефертари. – Ну так что, скипетр обладает магическими свойствами? Мне стоит вести себя аккуратней, когда найду его?

Я делаю глубокий вдох.

– Да, проявлять осторожность стоит. Однако либо я, либо кто-то из моих доверенных лиц постоянно будет рядом с тобой. Ты не прикоснешься к скипетру.

– Вообще-то я работаю одна.

– На этот раз нет, – отвечаю я резче, чем собирался. Обойдется.

– Ну ладно, – соглашается девушка, отчего я тут же настораживаюсь. – Двадцать третьего июля 587 года до нашей эры Иерусалим захватили и разрушили. Храм разграбили, все важные здания сожгли, а представителей высших сословий взяли в плен, – продолжает излагать факты она. – Иудейское царство пало.

Я тихо аплодирую.

– Именно так все и произошло. – Это была настоящая бойня.

К счастью, она не спрашивает о подробностях, а сужает глаза.

– На тот момент скипетр еще находился среди сокровищ храма? Все-таки эти события и смерть Соломона разделяют почти четыре сотни лет.

– Я его не нашел, – признаюсь, подавляя разочарование по этому поводу. И пусть прошло столько времени, я так и не свыкся с мыслью о том, что мы потеряли Атлантиду. Двенадцать тысяч лет – долгий срок. Предположительно, за него можно смириться с потерей. Но это вовсе не так. Я до мельчайших подробностей помню свою прежнюю жизнь и до сих пор желаю ее вернуть. Наверное, даже сильнее, чем раньше.

– Навуходоносор увел узников в вавилонский плен, – вслух рассуждает Нефертари. – Наверняка существуют записи о трофеях. Можешь нарисовать мне скипетр? Хочу знать, как он выглядит, чтобы не принести тебе какой-нибудь другой посох.

Судя по твердому тону, она ни на секунду не сомневается, что отыщет скипетр. Но надменность, как нам известно, предшествует падению⁴. Я начинаю понимать, что побудило Осириса и Исфафила связаться именно с Нефертари де Вески. Невзирая на молодость, она даже среди знаменитых искателей сокровищ чуть ли не легенда. Только вот даже ей не под силу сотворить чудо. Как они вообще обратили внимание на эту девчонку? Осирис ведь не покидает подземное царство. Выходит, это дело рук Исфафила. Первый среди высших ангелов большую часть года проводит в Египте. Должно быть, там он что-то о ней и услышал. Однако это дело ей не по зубам, что она убедительно доказала вчера. Нефертари даже не заметила демона, хотя он долго следовал за ней по пятам. Впрочем, обычно эта девушка сталкивается только с ворами и скупщиками краденого. Аристократам надо бы придумать что-то другое. К сожалению, возможности у нас ограничены. После смерти Соломона скипетр нигде даже не упоминался.

Нефертари подвигает ко мне лист бумаги и карандаши:

– Максимально подробно, пожалуйста.

Наглая, дерзкая, слишком много болтает и явно чересчур уверена в себе. И при этом всего лишь человек. Уязвимый и смертный. Если будет работать вместе со мной, нужно научить ее уважению. Хотя, возможно, она просто маскирует собственный страх. Во всяком случае, так я себя успокаиваю. Потом беру карандаш и начинаю рисовать. Девушка встает и направляется к книжным шкафам. Узкие джинсы, словно вторая кожа, облегают стройные ноги и ягодицы. Решительно и проворно, как обезьянка, она взбирается по лестнице и достает какую-то книгу. Я не могу оторвать от нее глаз. Мне никогда не встречались женщины вроде нее... вероятно, потому что меня привлекает другой типаж. Тем не менее я продолжаю тараторщить на ее спину. Все это пахнет неприятностями. Грандиозными неприятностями. Решаю по возможности избегать ее. В конце концов, она ведь действительно отправляется на

⁴ Отсылка к Книге Притчей Соломоновых, 16:18.

миссии в одиночестве. Для меня загадка, как мужчины ее семьи могли допустить подобное. Надо серьезно поговорить с ее братом. Будь Нефертари моей сестрой, я бы никогда не выпустил ее одну даже за дверь. Заставил бы Гора или Данте поиграть в ее нянек и отчитываться мне по телефону.

– Тебе неплохо бы рисовать, а не пялиться на мою задницу, ангел! – ругается она, и я, стиснув зубы, опускаю взгляд на листок.

Скипетр был невероятно красивым и уникальным. Мне не составляет труда вспомнить каждую деталь.

– Что конкретно случилось с Атлантидой? Я читала «Крития» Платона и то, что он писал об острове, но диалог обрывается на самом важном месте. Последнее, что упоминает Платон, – это Зевс собрал вокруг себя других богов, но что произошло потом? О скипетре там не сказано ни слова.

Я откладываю карандаш в сторону.

– Это не Зевс пытался урезонить богов. История Платона – бред. Зевс был слишком занят своими многочисленными любовницами. – Это только одна из проблем. Аристои не восприняли угрозу Сета всерьез. – Кроме того, он разбирался с умником Прометеем, а Один – с Локи, который вытирал об него ноги. Но они оба, даже вместе взятые, не были так ужасны, как Сет.

– Расскажешь мне свою версию? – Она устраивается на одной из перекладин лестницы и выжидательно смотрит на меня.

Чтобы выполнить свою часть сделки, Нефертари следует узнать правдивую историю, поэтому я откидываюсь на спинку стула и начинаю рассказ.

– Бессмертные были созданы из ничего. Это ничто состояло сначала из ослепительного белого света, потом из бездымного огня и наконец – из пепла. Из света были сотворены ангелы, из огня – джинны, а из пепла – боги. Одновременно с этим возник *Скипетр света*.

О том, что джинны получили кольцо, а боги – корону, я умалчиваю. На данный момент речь идет о скипетре. И так гласит мой приказ.

– Мы вместе жили в Атлантиде вплоть до того дня, когда Сет развязал Великую войну. Он презирал других богов за то, что те заводили детей от человеческих женщин, тем самым разбавляя божественную кровь. Сет желал захватить контроль над Атлантидой, однако для этого ему требовался скипетр. Используя его силу и собственную магию, он намеревался уничтожить человечество и изгнать остальных бессмертных из Атлантиды. По его мнению, остров принадлежал богам. – Нефертари ловит каждое мое слово и впитывает мельчайшие крупинки информации, словно губка. Готов поспорить, она не забудет ни звука. – Сет собрал множество сторонников и вызвал аристов на битву. Верховные боги, высшие ангелы и королева джиннов решили сразиться с ним и разбить его армию. – Я слегка притормозил, потому что дальше шла самая трудная часть, ведь мне запретили открывать ей всю правду. Девушке нельзя ничего знать о ковчеге. Ни одному человеку не следует знать, что всего существует три регалии. Они не должны присвоить себе их силу. – Я возглавлял армию ангелов на этой войне.

– Сет действительно обладал достаточной мощностью, чтобы победить вас?

Во время моего рассказа Нефертари не выглядит ни встревоженной, ни испуганной. Да что с ней не так? Хотя девушки там не было, поэтому откуда ей знать, насколько кошмарными выдались те дни. Во мне закипает знакомый гнев. Понизив голос, я выбрасываю из головы факт присутствия девчонки и продолжаю:

– На материке разгорелась беспощадная битва. Мы, бессмертные, вместе с людьми сражались против Сета и демонов, которые присоединились к нему, после того как он освободил их из царства мертвых.

Я ненадолго замолкаю. Это оказался не бой, а настоящее истребление. Сет и его монстры значительно превосходили наши силы.

– У нас не было шансов, и я сделал то, что считал наиболее разумным, пока нас окончательно не разбили. Для этой задачи я выбрал семь ближайших друзей, каждому из которых доверил бы собственную жизнь. Мы покинули поле битвы и полетели обратно в храм Атлантиды. Со мной были Гор, бог света; Данте, принц джиннов; Энола, моя лучшая подруга, перид⁵; Шезму, бог виноделия; Зафиэль, ангел дождя; Таран, тоже джинн и младший брат Данте; и моя возлюбленная Нейт.

Нефертари вскидывает брови. А когда я не даю пояснений, уточняет:

– Нейт была богиней войны, верно? И богиней смерти.

Я лишь киваю, потому что на протяжении тысячелетий избегаю разговоров о ней. Воспоминания причиняют слишком много боли.

– Мы прокрались мимо жриц и жрецов, которые молились в храме об исходе битвы, и похитили скипетр. Никто не должен был знать о нашем плане, и все же, когда мы покинули храм, нас поджидал батальон самых ужасных демонов Сета.

– Кто-то вас предал, – хладнокровно подмечает девушка то, что я признал лишь несколько веков спустя.

В ответ я кратко киваю.

– Мы защищали скипетр, однако недавнее сражение нас ослабило. Шезму пал первым, за ним Таран и наконец – Зафиэль. Гора ранили, но я не собирался сдаваться. Я дрался и убивал до тех пор, пока позади не раздался крик. Какой-то демон нависал над Нейт, впившись когтями ей в грудь. Все вокруг покрывала кровь. Прежде чем я успел прийти на помощь, Данте отрубил демону голову. Мы уничтожили всех нападавших, хотя их насчитывалось в три раза больше, чем нас.

– Она выжила? – тихо интересуется Нефертари. Потом встает с лестницы и возвращается к столу.

Я лишь сглатываю, игнорируя вопрос.

– Она попросила меня отнести скипетр в безопасное место. И я это сделал. – До сих пор вижу перед собой Нейт. То, как она кладет окровавленную ладонь на мою щеку. То, как поцеловал ее в последний раз. – Гор, Данте, Энола и я унесли его в пустыню и спрятали в тайнике. Непосвященный не сумел бы его там отыскать. Быстро, насколько это было возможно, мы полетели назад, однако, когда добрались до поля боя, увидели, как Атлантида – наша великолепная, волшебная родина – ушла под воду. Жуткое зрелище. Никто больше не мог покинуть остров, и никто из нас не мог вернуться. Над долинами, горами, улицами, кольцевыми стенами и дворцами возник прозрачный купол. Умеющие летать подлетали к барьеру, но их от него отбрасывало. – Я был одним из таких и бился в купол... снова и снова, пока огромная масса воды совсем не накрыла остров. Ни до, ни после этого я не испытывал такого безграничного отчаяния. – Когда купол затонул, огромная приливная волна захлестнула материк. Она смыла в море павших и сотни демонов. Прошли недели, прежде чем вода отступила. Лишь тогда мы окончательно осознали, что нам придется остаться в мире людей.

– Так, значит, это был Всемирный потоп.

Прозвучало скорее как утверждение, чем вопрос, поэтому я пожимаю плечами:

– Выжило больше народа, чем один Ной и его семья, если тебе интересно. Вся эта муть про ковчег – чушь.

– Так я и думала. – Нефертари выглядит очень серьезной. – Что случилось потом? Очевидно, Сет не пришел в восторг. А ты явно поступил в какой-то степени своевольно. Аристой знали о твоём плане?

⁵ *Пери* – фантастические существа в персидской мифологии и у тюркоязычных народов, предстающие в форме прекрасных девушек; в некоторых сказаниях соотносятся с феями из западной культуры.

Подобная бесцеремонность когда-нибудь доведет девчонку до беды. Поколебавшись мгновение, я скармливаю ей ложь:

– Нет.

И тогда, и сейчас проще всего заставить всех верить, что это был только мой план. Правда никому не нужна.

– Хотя ты сохранил регалию, Атлантиду вы потеряли.

Я киваю в ответ на это краткое изложение событий.

– Аристой согласились продолжать прятать регалию от Сета. Он лишился почти всей армии, и мы заключили шаткое перемирие, ведь, несмотря ни на что, не сумели его победить. Аристой поделили между собой зоны господства. Осирис со своей семьей отправился на юг, Зевс, его братья и сестры – на восток, Один завладел севером, а Чаак – западом. Джиннов люди не волновали, и они осели в пустыне. А мы, ангелы, с тех пор правим на небесах.

Погруженная в собственные мысли, Нефертари обводит глазами хаос на своем рабочем столе, словно что-то ищет. Как она вообще умудряется что-то здесь находить, я не понимаю.

Отвожу от нее взгляд.

– Боги пообещали помочь людям восстановить мир и поделиться с ними божественной мудростью, научить возделывать землю, читать по звездам, посвятить в тайну письменности и составления законов. Справедливых законов. – Я замолкаю, потому что вид у девушки совершенно отсутствующий. Судя по всему, она уже давно не следит за рассказом. Боги не лучшим образом выполнили свою задачу. Сейчас люди такие же склочные, какими раньше были сами боги, и превратились едва ли не в их отражение. Эгоистичные и высокомерные. Исключений очень мало. И малышка передо мной к ним, увы, не относится.

– А скипетр остался в тайнике? Как Сет сумел его найти и когда конкретно это произошло? – спрашивает Нефертари, сосредоточившись на мне.

Похоже, она все-таки слушала.

– Примерно восемь тысяч лет спустя, – осторожно произношу я, чтобы не испугать ее. Люди не умеют думать в таких временных интервалах. – Столько нам удавалось его скрывать.

Я вновь делаю паузу, давая ей привыкнуть к подобной мысли, но девчонка лишь нетерпеливо кивает, чтобы я продолжал:

– Сет выяснил, где спрятан скипетр, и заключил союз с человеком, которому его доверил. В общем и целом неважно, когда и куда он пропал. Осирис пришлет мне подсказку, которая недавно всплыла. С нее нам нужно будет начать поиски.

Очевидно, подсказка ее не интересует.

– Та кража стала причиной изгнания Сета с земли? Он должен был отправиться к Ра, богу солнца, на небеса, правильно? Это не могло ему понравиться. Почему он не сопротивлялся наказанию?

И снова меня поражают ее знания.

– На этот вопрос я тебе не отвечу. Лично я не рассчитывал, что Сет подчинится. Единственное объяснение, которое я вижу: он не верил, что изгнание продлится вечно. Тем не менее вот уже три тысячи лет он отказывается говорить, какие указания дал человеку в отношении скипетра. Его силу не использовали во зло, что не менее странно, чем поведение Сета.

– Как он вообще сумел найти скипетр? Где именно он был спрятан?

– Его выкрали из пирамиды Хеопса. На момент похищения он находился там и тщательно охранялся.

Сразу после потопа бессмертные вели бесчисленные войны за регалии. В Атлантиде мы уживались более-менее мирно. Затем же встречались с ненавистью и подозрением. Боги пытались украсть у ангелов скипетр. Джинны у богов – корону и так далее. Мы убивали друг друга в единственном стремлении – победить остальных. Твердо верили, что только те смогут вернуться в Атлантиду, кто завладеет всеми тремя регалиями. И ни один народ не желал уступить

место другому. Ненависть засела слишком глубоко. Мы все были травмированы. Иначе у меня не получается объяснить наше поведение в те времена. Удивительно, но Сет тогда вел себя очень спокойно. Только после особенно кровопролитной битвы мы опомнились, и аристой решили, что пора объединить силы. Мы вместе пришли на берег Атлантического океана. Все бессмертные, которые остались на тот момент, в ожидании стояли и смотрели на воду. Каждый народ взял с собой свою регалию. Эта картина до сих пор предстает перед моим внутренним взором, будто это происходило вчера. Сердце билось где-то в районе горла. Предвкушение и страх перед тем, что нас ожидало, заставили забыть обо всем вокруг. И тогда случилось... ничего. Разочарование и боль были практически невыносимы. После этого аристой постановили, что необходимо хранить регалии вместе. Они построили ковчег и спрятали в секретном месте, где его защищали только самые надежные стражи. Я к ним не относился. Мы надеялись, что однажды в далеком будущем регалии окажут нам честь и позволят вернуться домой. Однако Сет похитил ковчег, тем самым лишив нас всякой надежды. Он, словно паук в своей паутине, ждал подходящего момента. В течение целых восьми тысяч лет.

Не сводившая с меня глаз Нефертари не спрашивает, о чем я задумался. Просто хватается за блокнот, а потом ее карандаш летает по пергаментной бумаге и вновь заполняет ее мелкими клинышками, значками и логограммами⁶.

– Скипетр хранился в огромной полости над Большой галереей пирамиды Хеопса? – мимоходом уточняет девушка. – Ее обнаружили только в 2017 году. Никто до сих пор не выяснил, для чего она предназначалась.

Я киваю, уже не удивляясь ее познаниям. Привык к этому моменту.

– Ну теперь это выяснила ты.

– Та полость недоступна. В этом вопросе египтологи едины.

– Для человека, – соглашаюсь я.

Впервые ее холодная маска дает трещину. Девчонка выглядит так, будто хочет потребовать у меня перенести ее туда, причем немедленно.

– Забудь, – отрезаю я, прежде чем она успеет сказать что-то по этому поводу.

Нефертари дергает плечами, но я не веду на наигранное равнодушие.

– Что за новая подсказка о местонахождении скипетра? – Она заправляет за ухо прядь черных волос.

– Пока не знаю. Осирис пришлет ее мне, когда ты примешь заказ.

Нефертари снова направляется к книжному шкафу, выбирает какую-то книгу, а когда через пару секунд возвращается обратно, кладет ее передо мной в раскрытом виде. Постучав пальцем по картинке, сравнивает с ней мой набросок.

– Это скипетр, который вы ищете, так ведь?

На миг у меня пропадает дар речи. Настенных росписей, на которых нарисованы регалии, не так много, однако девчонка действительно нашла одну из них, причем без долгих поисков. На старой черно-белой фотографии изображен Осирис, сидящий на троне и сжимающий в руке скипетр. Рисунок на удивление хорошо сохранился, он из гробницы Сети I, на церемонии коронации которого Осирис велел извлечь скипетр из ковчега. Кроме того, на нем Корона пепла и Кольцо огня, но Нефертари об этом не догадывается. Она не в курсе, что эти предметы тоже являются *регалиями власти*. Высшим ангелам и Саиде, королеве джиннов, не понравилось, что Осирис украсил себя всеми тремя регалиями. Между ними произошла грандиозная ссора, после чего Осирис окончательно удалился в царство мертвых. С тех пор он больше не ступал в этот мир, но по-прежнему вмешивается во все подряд, даже когда его об этом не просят. Сет тоже присутствовал на коронации. Должно быть, посмеивался про себя, потому что получил шанс обнаружить тайник с ковчегом.

⁶ Логограмма – в некоторых видах письменности знак, обозначающий целое слово или его основу.

– Откуда ты узнала? Как сумела так быстро найти снимок?

– У меня довольно хорошая память. Стоит один раз что-нибудь увидеть, и оно остается там навсегда, – отмахивается Нефертари, как будто в этом нет ничего особенного. – Вот только я не припоминаю изображений Давида или Соломона со скипетром. Ты уверен, что он был у них?

– Они никогда этого не признавали, и им хватило мозгов не давать себя с ним рисовать, – отвечаю я. Оба мужчины оказались гораздо умнее Осириса. Даже слухи в подобной ситуации опасны.

– Подытожим еще раз, – произносит девушка. – Просто чтобы я все правильно поняла. Атлантида затонула в 9600 году до нашей эры. Сети короновался в 1290 году до нашей эры. Тогда скипетр еще оставался у вас. Между этими событиями около восьми тысяч трехсот лет. Далее. Соломон умер в 926 году до нашей эры. Ты точно уверен, что скипетр был у него?

– Вполне.

– Как вы могли допустить, чтобы он попал в руки Сета, и как он, по-твоему, это провернул, если скипетр так хорошо охраняли?

По всей видимости, она считает, что мы абсолютно ни на что не способны. Эта мысль вызывает раздражение. Особенно если учесть, что не так уж она неправа.

– После коронации Сети скипетр снова спрятали в гробнице. Такой демонстрацией собственной силы Осирис желал показать, что люди не могут подняться выше богов. Он уговорил остальных аристов, что необходимо обозначить власть богов и их представителя среди людей – фараона. Эхнатон уже пытался ослабить наше влияние. – Я бросаю беглый взгляд на небольшой бюст на стопке бумаг. – Он хотел убедить людей, что *правильнее* поклоняться одному богу. Угадай с трех раз, из чьего дерьма появилась эта идея.

– Полагаю, фараон поддался влиянию Сета. Неудивительно, учитывая, что вы, бессмертные, устроили настоящий детский сад. Меня удивляет, как подобная идея не пришла на ум ни одному другому богу. Ведь поклоняться одному божеству определенно не так накладно, как целой ораве. К тому же вам вечно не угодишь.

Наверняка она считает себя очень остроумной.

– Ну, люди быстро пришли в себя, – грубовато парирую я. – Но стали ли они счастливее с единственным богом, которому доверяют спасение своих душ, более чем сомнительно.

– А может, Эхнатону просто надоело, что вы постоянно командуете, – выстреливает девчонка очередной колкостью в мою сторону. – Вы очень властные.

– Я не бог, а ангел, поэтому мне можешь не жаловаться. Эхнатон был особенным, из-за чего и стал легкой мишенью для идей Сета, – признаю я. – А еще упрямым. Весьма неприятное качество, от которого некоторые люди просто не могут избавиться.

Нефертари понимает адресованный ей не очень тонкий намек, однако отвечает лишь слабой улыбкой.

– Сколько времени потребовалось Сету, чтобы найти ваше суперсекретное место и похитить скипетр?

– А это имеет значение? Нам почти наверняка известно, что он находился в Иерусалиме. Не желаешь начать поиски оттуда? – Девчонка сверлит меня пристальным взглядом, и на этот раз я сдаюсь: – Это случилось не сразу, но не потому, что Сет не обнаружил тайник раньше. Ему просто требовалось время, чтобы выносить свой коварный план. Он украл скипетр только в период правления Рамзеса II – сына Сети. Затем скипетр несколько веков нигде не всплывал, пока не пошли те слухи о Давиде, а после него – о Соломоне и царице Савской. – Большого я рассказать не могу, иначе она тут же сделает правильные выводы. У меня и так ощущение, что я хожу по канату.

Нефертари еще мгновение смотрит на меня, а потом вздыхает:

– Ну ладно. Но не думай, будто я не заметила, что ты утаиваешь от меня информацию, ангел. С твоей стороны дальновиднее было бы выложить все карты на стол. Понятия не имею, чего ты пытаешься добиться подобной тактикой, но это твое дело. Пообещай мне только одно: если я найду скипетр, душа Малакая получит отсрочку, в которой нуждается, чтобы тело исцелилось.

В ее словах и глазах сквозят страх и вместе с тем решительность.

– Если твой брат еще будет жив, когда ты найдешь скипетр, я дам ему эту отсрочку, – медленно обещаю я. От девушки не ускользает моя оговорка. Невзирая на это, она кивает, а я разрешаю себе представить, что Атлантида может снова всплыть из вод океана. При одной мысли об этом у меня начинает покалывать кожу. Если мы отыщем регалии, то наконец найдем способ поднять остров с морских глубин. Он должен быть. В первый раз за очень долгий срок во мне вспыхивает чувство, которое я запрещаю себе испытывать уже несколько тысяч лет, – надежда.

Тарис

Ангела что-то взволновало. Строгое выражение лица исчезло, а в глазах появился лихорадочный блеск. Пару секунд я не отваживаюсь заговорить. Вместо этого делаю шаг назад, создавая между нами дистанцию. От меня не укрылось его условие. Малакай должен быть жив, когда я найду скипетр. Если он умрет раньше, Азраэль отделит его душу от тела и отправит в потусторонний мир. Это значит, что с каждой секундой я играю с жизнью своего брата. Однако, несмотря на давление обстоятельств, не стоит слепо хвататься за все подряд. Следует тщательно обдумать дальнейшие действия. И Малакаю нельзя сообщать о нашей договоренности. Я знаю своего брата. Он ни за что не согласится на то, чтобы я заключила подобную сделку.

Легенды о мистических предметах, которые попали в наш мир из Атлантиды, существовали раньше и существуют до сих пор, однако по-настоящему я в них никогда не верила. Нужно систематизировать информацию и решить, какие сведения важны для моей миссии, а какие – нет. Кроме того, мне понадобится та подсказка, о которой упоминал ангел.

У него звонит мобильник, и он сразу отвечает. Лицо Азраэля каменеет, пока он выслушивает своего собеседника на том конце линии. Потом постукивает пальцами по столу. Судя по всему, новости неприятные. Чуть погодя он встает и начинает расхаживать по комнате. Присутствие ангела ощущается так явственно, словно это он тут дома, а не я.

– Где вы его нашли? – орет в трубку. – И когда? У него с собой было что-то для меня? – Пока Азраэль слушает ответ, у него на скулах играют желваки. Он явно не единственный, кто разыскивает скипетр. И что он от меня скрывает? Если бы могла, самое позднее сейчас я бы отказалась от сделки. Ненавижу, когда клиенты пытаются делать из меня дуру. Неужели не понятно, что я быстрее достигну цели, если они начнут играть в открытую? Негромко вздохнув, я ищу еще несколько статей о Давиде и Соломоне. С этого и начну. Если это спасет Малакаю, можно забыть о небольшой лжи. Все равно рано или поздно я ее раскрою.

Ангел заканчивает разговор.

– Мы прямо сейчас едем в Лондон, – объявляет он, поворачиваясь ко мне. – Захвати с собой лишь пару вещей. Все остальное купишь себе в городе.

Он совсем разум потерял?

– О, конечно, мой повелитель и господин, я сделаю все, что ты прикажешь, – с придыханием выпаливаю я. – Хочешь, я упаду к твоим ногам?

Азраэль растерянно моргает.

– В этом нет необходимости, – откликается он на полном серьезе. – Жду тебя через десять минут у машины.

Господи боже. Этот тип реально невыносим.

– Это шутка, – поясняю я. – Ты поедешь один. Вероятно, тебе стоит узнать обо мне кое-что: я не позволяю собой командовать. Никому. Ты – мой клиент, не больше и не меньше. Я приеду завтра. Или послезавтра. Мне нужно еще кое-что уладить, а пока я буду работать отсюда. Можем связаться через «Teams», если ты по мне соскучишься. – Я одариваю его фальшивой улыбочкой.

Азриэль набирает полные легкие воздуха. Очевидно, ему приходится сделать над собой усилие, чтобы не схватить меня в охапку и не потащить в свою машину. И пусть я отлично умею обороняться от людей, но против него у меня ни единого шанса.

– Значит, с нашей сделкой покончено? – подозрительно спокойно интересуется ангел. Потом на миг соединяет кончики пальцев, поднимает правую ладонь вверх, и от нее исходит свет. Он танцует на коже Азраэля, с каждой секундой разгораясь все ярче. Я не в силах отвести взгляд, пока не чувствую, как из меня что-то рвется наружу, тянет меня и жаждет соединиться с этим сияющим светом. Когда до меня доходит, что он со мной творит, кровь буквально стынет

в жилах. Это тот самый свет, о котором рассказывают люди, оказавшиеся однажды перед лицом смерти. Именно в этот свет уходит душа в тот день, когда умирает тело. Этим светом он вчера убил демона.

– Душу твоего брата я тоже мог бы сразу забрать. – Голос ангела манит соблазнительным низким тембром, и душа раздирает меня изнутри, как будто желает немедленно утонуть в объятиях этого идиота. – Здесь и сейчас, если ты именно этого хочешь. – Он сжимает руку, и свет гаснет, а моя глупая душа врезается обратно в тело.

Такой максимально неприкрытой угрозой он взял меня за яйца, и ангелу это известно. Теперь все официально. Я его ненавижу. К щекам приливает жар, и я сжимаю руки в кулаки.

– Если хочешь, чтобы я нашла скипетр, мне потребуются мои записи, а они все здесь.

Азраэль злобно улыбается, прекрасно понимая, что победил.

– В Лондоне есть библиотека с очень богатым выбором книг. И я не сомневаюсь, что такой книжный червь, как ты, в ней зарегистрирован.

Естественно, я там зарегистрирована. Вряд ли в мире существует хоть одна крупная библиотека, в которой у меня бы не было читательского билета. Только ему об этом знать необязательно. Свои читательские я берегу, как чрезмерно заботливая мать опекает своих детишек. И хоть некоторым это покажется немного странным, но у всех свои причуды. Поскольку выбора у меня больше нет, я сдаюсь.

– Мне потребуется двадцать минут. Хочу попрощаться с Малакаем и рассказать ему о задании.

– Нет, – резко обрывает меня ангел. – Никому, кроме тебя, нельзя знать об этих поисках.

Я честно старалась сохранять спокойствие, но сейчас мое терпение лопнуло. Меня до сих пор трясет, я беспомощна против его силы и не желаю снова его провоцировать. Гадкий тип доведет дело до конца, и в итоге все в этом доме умрут. Поэтому я мысленно считаю до десяти, как учил Малакай, чтобы не взбеситься, прежде чем что-то сказать.

– Я всегда иду в комплекте со своим братом. Пусть он не способен встать с постели, но без него я ничего не найду. Вообще ничего. Он мои глаза и уши. – Наверняка ангел считает, что я утрирую. Однако он ошибается. Я не знаю никого умнее брата. Он бы даже Шерлока Холмса заткнул за пояс, существуй тот на самом деле. Множество раз я готова была сдать, потому что наводки ни к чему не приводили, но Малакай как охотничий пес. Однажды взяв след, он будет идти по нему, пока добыча не окажется у него в зубах. Ухудшение физического состояния никак не отражается на его рассудке. – Не хочешь познакомиться с моим братом? – спрашиваю я так спокойно, как только могу в сложившихся обстоятельствах. Азраэль колеблется. Он не желает поддаваться, но и я не намерена отступать. Ставлю все на одну карту и задираю нос. Ну почему он такой высокий? – Либо с моим братом, либо вообще никак.

Я вытираю вспотевшие ладони об штаны, когда ангел, к счастью, раздраженно вздыхает и сдается.

– Хорошо, – соглашается он. – Давай покончим с этим. А потом у тебя останется пять минут на сборы.

Помимо воли у меня вырывается короткий презрительный смешок. Вот придурок, что я, по его мнению, беру с собой на задания? Не бальные платья, это точно. Мы покидаем кабинет, и рядом со мной тут же возникают Гарольд и Селкет.

– Собери мои вещи, – тихо прошу я дворецкого. – Мы уезжаем прямо сейчас. Но сначала мистер Армитедж хотел бы познакомиться с Малакаем.

Уловив мой напряженный тон, Селкет рычит. Кивнув, Гарольд подает соответствующие знаки персоналу, который преувеличенно незаметно слоняется в фойе. Все они мгновенно понимают, чем следует заняться. Охота за сокровищами – занятие не для вялых улиток. Порой каждая секунда на счету.

Один из слуг открывает перед нами дверь в апартаменты Малакай. Он пробежал по коридорам для прислуги, пока я вела ангела чуть в обход, чтобы предупредить брата. Тот с прямой спиной сидит в постели. И хоть выглядит немного усталым, но светлые волосы аккуратно причесаны. Сквозь стекла очков он внимательно изучает нашего гостя. Глядя на него, никто бы не подумал, что мы брат и сестра, потому что в Малакае проявились только наши английские гены.

– Мистер Армитедж, – приветствует он, пристально глядя на нас обоих. От брата не могло укрыться повисшее напряжение. Селкет запрыгивает на кровать и, словно защищая хозяина, ложится перед его слабым телом. Судя по всему, не только в моих глазах ангел заработал парочку отрицательных баллов.

Если тот и удивлен тем, что Малакаю уже известно его имя, то виду не подает.

– Мистер Мандевил, – отвечает он.

– Граф, – с серьезным видом поправляет Малакай. – Если выразаться точнее, то или мистер де Вески, или граф Мандевил. Не то чтобы меня это заботило, но так правильно. Де Вески – наша фамилия.

Азраэль улыбается:

– Надеюсь, уважаемый граф, вы не будете против, если я на некоторое время украду вашу сестру. Если позволите, я хотел бы воспользоваться ее услугами.

– Если моя сестра желает принять ваше предложение, то спокойно может это сделать. Я не являюсь ее опекуном. Он хорошо платит? – обращается он непосредственно ко мне. Лицо брата не выражает ни единой эмоции. Как и ожидалось, происходящее ему не нравится. – О чем идет речь? Мне нужно досье.

Азраэль морщит лоб.

– Папка, – поясняет мой брат так медленно, как будто разговаривает с ребенком. – Фотографии, сведения о последнем местонахождении, лица, которые, возможно, владели предметом.

– Я все подготовлю и пришлю тебе по электронной почте, – говорю я, прежде чем ангел провернет свой дурацкий трюк со светом, потому что оскорбился. От него всего можно ожидать. – Он ищет Скипетр света, священную регалию, созданную в Атлантиде, а после того, как та затонула, перенесенную в наш мир. У народа Атлантиды ее выкрал Сет, который, предположительно, доверил ее человеку. Слухи о скипетре ходили во времена Давида и Соломона. Существует как минимум одно его изображение: среди настенных росписей в гробнице Сети I.

Малакай сосредоточенно слушает, ни на секунду не сводя взгляда с Азраэля. Даже если задание его поразило, он этого не показывает.

– Я понял, какое изображение ты имеешь в виду. Скипетр исключительный, хотя я подозреваю, что рисунок не передает этого должным образом. Он обладает магическими свойствами?

Азраэль коротко кивает.

Малакай склоняет голову набок:

– Вам следует кое-что знать о нашей работе, мистер Армитедж. Чтобы найти пропавший предмет, требуется абсолютная честность между всеми сторонами. Иначе ничего не получится. В таком случае я действительно не смогу разрешить сестре ехать с вами. Вы не производите впечатления надежного человека, а мне бы не хотелось, чтобы она вмешивалась в дела, которые ее не касаются.

– Я верну ее невредимой, и она получит всю информацию, которая будет необходима.

– Полагаю, для вашего народа обещание значит так же много, как и для нашего. Несмотря на то что я прикован к постели, у меня есть друзья, которые позаботятся о ней, если вы свое нарушите. – Произнося эти слова, Малакай холодно улыбается.

У Азраэля начинают трепетать крылья носа. Клянусь, еще никогда ни один человек с ним так не разговаривал.

– Я даю вам слово, граф.

– Значит, это мы прояснили. Теперь мне нужен ваш номер телефона. Просто на случай, если мне будет что вам сообщить.

Очень разозленный и напряженный, ангел диктует свой номер. Малакай записывает, а я делаю себе мысленную пометку потом тоже его сохранить.

– Хорошо, – говорит Малакай, не особо впечатленный настроением ангела. – Взгляни еще на рисунки «Книги мертвых» из гробницы Рамзеса II. Если я правильно помню, на одной из картинок фараон передает Осирису на его суде над умершими тот же самый скипетр. В том моменте, где его душа просит позволения войти в потусторонний мир. Мне всегда это казалось странным.

Возле меня Азраэль резко втягивает в себя воздух. Звук настолько тихий, что брат его точно не слышит. А вот я – вполне.

«Книга мертвых» – это сборник заклинаний, магических формул и литургических наставлений душе покойного на пути в загробный мир. Ему либо клали папирус, либо покрывали соответствующими рисунками стены гробницы. Благодаря этой информации душа мертвого может защититься от демонов. В отличие от остальных заупокойных текстов египтян, где идет речь о путешествии бога Ра по подземному миру, «Книга мертвых» описывает испытания, которые должна выдержать душа, чтобы пройти через врата, которые охраняют Осириса в царстве мертвых. Только умершие, чьи души чисты, имеют право ступить в *поля праведников*.

Азраэль удивленно моргает, и я, не удержавшись, пихаю его локтем в бок:

– Я же говорила, что мой брат намного умнее меня, а память у него еще лучше моей.

– Ну теперь-то мне гораздо легче, – фыркает ангел. – Целых два умника в моей жизни. О боги, чем я это заслужил? Может, мне лучше взять с собой твоего брата и надеяться, что он не так сильно будет действовать на нервы?

– Он определенно не стал бы. И чтобы это выяснить, тебе потребовалось меньше пяти минут. Уважаю. Похоже, за симпатичным личиком кроется больше, чем кажется на первый взгляд.

Азраэль лишь моргает, потому что от этого заявления у него, видимо, пропал дар речи.

– Небольшое предостережение, – раздается голос улыбающегося Малакай, который заметно расслабился. – Она доведет вас до белого каления. И не говорите, что я вас не предупредил.

– Я запомню, – сухо отзывается Азраэль. – И тоже постараюсь превратить ее жизнь в ад.

– Вижу, вам будет очень весело вместе.

– А вот в это мне мало верится. – Я подхожу к брату, сажусь на край кровати, осторожно его обнимаю и целую в щеку.

Он отводит мне за ухо прядь волос.

– Значит, поужинать у нас не получится?

Я качаю головой.

– Он хочет отправиться прямо сейчас. Дурацкий скипетр пропал кучу лет назад. Пара часов не должна иметь значения.

– Лучше не провоцируй его, – тихо просит Малакай. – С бессмертными шутки плохи.

– Ему ведь кое-что от нас надо, не так ли? Уверена, он будет с меня пылинки сдувать.

Брат подозрительно косится на Азраэля, который, в свою очередь, притворяется, что не подслушивает.

– Сомневаюсь, что он вообще это умеет. Существуют легенды об этом скипетре. – Малакай еще немного понижает голос: – Их немного, поскольку в ходе истории кто-то очень постарался уничтожить все упоминания о нем и сделать так, чтобы никто не вспомнил о регалии.

– Но, само собой, как минимум одну из них ты слышал. – Я с любовью улыбаюсь брату, который наклоняет к себе мою голову и целует в лоб.

– Чисто случайно. Береги себя.

– Как всегда.

Мы еще раз обнимаемся. Малакай стал совсем худым, и его тело кажется холодным, но мне все равно не хочется его отпускать.

Азраэль прочищает горло.

– Нам пора, – прерывает он наше прощание.

С трудом отлипаю от брата, а он смахивает с моей щеки слезинку, которую я даже не заметила.

– Я буду здесь, когда ты вернешься, – обещает Малакай.

– Хорошо за ним присматривай, – велю я нашей собаке и целую ее в морду. – Чтобы с ним ничего не случилось.

Селкет наблюдает за мной большими карими глазами и опускает черные ресницы. Лишь через силу мне удается оставить их обоих.

Гарольд уже дожидается нас с Азраэлем перед дверью в комнату и внимательно смотрит на меня, когда я выхожу в коридор. Стоит мне подать хоть малейший знак, и он набросится на ангела. И пусть дворецкий уже не молод, и по нему незаметно, но он проходил подготовку в вооруженных силах. А прежде чем поступить на службу к нашим родителям, был бойцом элитного британского подразделения. В качестве причины столь резких перемен всегда утверждал, что тревог ему на всю жизнь хватило. Несмотря ни на что, за меня и Малакаю он отдаст свою жизнь. Не то чтобы я когда-нибудь потребовала бы нечто подобное, но одно осознание этого меня успокаивает.

– Позвони, как только приедешь в Лондон, – просит он, держа в руках мой рюкзак.

– Обязательно. – Это одно из наших неписанных правил. Малакай и Гарольд всегда должны знать, где я нахожусь. Я, в свою очередь, обязана всегда и везде быть на связи. Если я долго не беру трубку, они выпускают кавалерию. К счастью, до сих пор это потребовалось лишь однажды. Тогда я перемещалась по Боливии, чтобы вернуть глиняную табличку, обнаруженную в храме майя в Гватемале и впоследствии исчезнувшую, и каким-то образом очутилась в другой стране. Студент, помогавший с раскопками, пытался продать табличку через скупщика краденого, а тому не слишком понравился мой визит. Гарольд привлек своих старых знакомых, которые и вызволили меня из плена этого человека. Я отделалась фингалом, парой сломанных ребер и, конечно же, спасла табличку. – Я буду осторожна, – уверяю я. – Позаботьтесь о Малакае.

– Не переживай за него.

Эту функцию я у себя отключить не в силах, но на этот раз появилась надежда спасти его. Более важного заказа я еще не выполняла.

Стоящая возле автомобиля девушка открывает багажник, когда мы приближаемся. Естественно, у ангела водитель женского пола. Покачивая головой, я окидываю ее взглядом. Примерно моего возраста и явно из бессмертных. Кстати, помимо богов, ангелов и джиннов, существует еще довольно много нечеловеческих созданий.

– Это Энола, – к моему удивлению, представляет ее Азраэль, – мой водитель, телохранительница и лучшая подруга.

Прежде он уже упоминал это имя. Она находилась с ним в ту ночь, когда Азраэль с соратниками забрали скипетр из Атлантиды.

Губы женщины на его поразительно тепло прозвучавших словах складываются в искреннюю улыбку. Зачем ему телохранительница? Он ведь в отличной форме и фактически сам по себе оружие. К тому же я не могу представить, что в этом мире найдется тот, кто по доброй воле

решит на него напасть. Девушка небольшого роста и хрупкого телосложения, так что могла бы быть скорее феей, чем воительницей. Впрочем, первое впечатление, как известно, обманчиво.

– Не стоит ее недооценивать, – подтверждает Азраэль мои мысли, которые он, кажется, все-таки читает. – Пери умеют летать, как мы, ангелы, а чтобы ранить кого-то, ей не нужен меч.

– Достаточно легкого прикосновения кончиком ногтя, и ее жертва начнет корчиться от ужасной боли, – перебиваю я. – И эта боль так сильна, что большинство несчастных сводят счеты с жизнью, потому что не в силах ее вынести.

Женщина улыбается мне с холодной любезностью:

– Вижу, репутация меня опережает. Можем ехать?

Она захлопывает крышку багажника и обходит автомобиль. Густые тяжелые синие волосы ниспадают по спине, и хотя это почти невозможно, она представляется мне еще более жуткой, чем стоящий рядом ангел.

– Ты ей не нравишься, – без надобности информирует меня Азраэль. – Но не расстраивайся. Ей в принципе не нравится ни одна особь женского пола, которая приближается ко мне больше чем на пару шагов.

Я презрительно хмыкаю:

– Если будет удерживать тебя подальше от меня, станет и моей лучшей подругой.

На этот выпад Азраэль никак не реагирует, просто открывая передо мной заднюю дверь. Я в последний раз машу рукой Гарольду, не обращая внимания на обеспокоенное выражение его лица. Едва успеваю пристегнуться, как двигатель лимузина начинает урчать и машина трогается. Я остаюсь наедине с двумя нечеловеческими существами, которые способны раздавить меня как комара. Не слишком приятное ощущение.

Мы еще не миновали длинную, засаженную деревьями подъездную дорожку из Пикстон-Парка, а Азраэль уже открывает маленький холодильник, расположенный между сиденьями напротив нас.

– Хочешь чего-нибудь выпить? Бокал вина, например.

– Спасибо, нет. Я не пью на заданиях.

Он наливает себе бокал виски и, откинувшись назад, удобно устраивается в кресле.

– Ты еще не начала, так что не стесняйся.

Лучше бы предложил мне чего-нибудь поесть. Вернувшись домой во второй половине дня, я быстро перекусила, попросила Гарольда рассказать мне о нынешнем состоянии здоровья Малакая, а потом отправилась к брату. Если сейчас попробую алкоголь, то отключусь, плюс меня мучает джетлаг⁷.

Чувствую на себе взгляд ангела, и хотя в машине довольно много места, кажется, будто воздух между нами уплотняется. Глазами ищу кнопку, которая опускает стекло, отделяющее нас от передней части салона. Конечно, она вне досягаемости. Отодвинувшись от Азраэля как можно дальше, прислоняюсь головой к прохладному окну. Мы молча едем по родным мне местам обратно в Лондон. Могла бы и не делать сегодня такой крюк. Меня охватывает грусть. Как бы хотелось провести хоть одну ночь рядом с Малакаем. Но придурок рядом со мной шантажировал меня жизнью брата, и я ни на секунду не сомневаюсь, что он нарушит обещание, если ему это будет на руку.

– Ты тоже придаешь значение правильной форме обращения? У тебя есть титул? – задает он вопрос в тишину.

– Естественно. Но я требую так обращаться ко мне только от любовников и исключительно в постели, – ядовито откликаюсь я.

Подавившись виски, он начинает кашлять. Так этому надутому типу и надо. Пусть задохнется, не имею ничего против.

⁷ *Джетлаг* – синдром смены часовых поясов, связанный со сбоем суточных ритмов организма.

Лишь прикрыв веки, я чувствую себя чуточку лучше. До конца поездки ангел оставляет меня в покое, и я то и дело проваливаюсь в сон. Обычно после успешно выполненной задачи я беру перерыв на пару недель. И тогда сплю часами напролет, позволяю нашей поварихе скармливать мне горы всяких вкусностей и провожу с Малакаем каждую минуту, когда у него самого хватает сил уделить мне время.

Всего этого меня лишил Азраэль. Но если это означает пощаду для Малакаая, – а я только за это и цепляюсь! – я переживу.

Кто-то трясет меня за плечо, поэтому я рычу и отворачиваюсь.

– Просыпайся, принцесса. – Меня снова трясут. – Приехали. Азраэль нанял тебя не для того, чтобы ты спала. У тебя час, чтобы зарегистрироваться и освежиться, а потом я снова тебя заберу.

С трудом разлепив веки, морщусь от яркого света. Пери пренебрежительно смотрит на меня янтарными глазами. Она широко улыбается, но выглядит это недружелюбно. Не хватает только пары клыков. Затем девушка отходит в сторону и бросает мой рюкзак на дорогу. Азраэль копается в своем телефоне, не устаивая меня и взглядом.

– Осторожнее, пожалуйста! – огрызаюсь я. Насчет этого рюкзака у меня пунктик. Будучи со мной во всех путешествиях, он стал чем-то вроде талисмана.

Вздыхнув, я покидаю салон, пока пери вновь занимает водительское кресло. Автомобиль тут же срывается с места, едва не отдавив мне ноги.

– Дура тупая. – Меня ни капли не удивляет, что ангел называет эту лапочку лучшей подругой. Они двое точно нашли друг друга.

Обращаю внимание на отель, перед которым меня высадили. «Rosewood». Шикарней некуда. Надеюсь, этот тип сам оплатит номер. Мы хоть и не бедствуем, но в заведении такого класса я бы никогда не остановилась. Мои запросы гораздо скромнее. В разъездах я часто ночую в дешевых хостелах, потому что мне плевать на позолоченные краны.

Подошедший порттье окидывает меня неодобрительным взглядом.

– Мистер Армитедж забронировал для меня номер, – заявляю я самым надменным тоном истинной аристократки. Сказывается выучка, ведь тетя Фиона приглашала только лучших преподавателей, которые прививали мне подходящие манеры.

– Мы всегда рады гостям мистера Армитеджа. – Выражение его лица смягчается, и у меня возникает вопрос, как часто ангел заселял сюда своих подружек. Мужчина подзывает к себе молодого сотрудника и что-то ему шепчет. Они достаточно хорошо обучены, чтобы не демонстрировать удивления. Его коллега забирает мой рюкзак, идет вперед и проводит меня сначала к лифтам и наконец к моей комнате.

– Мне не нужно регистрироваться? – спрашиваю у юноши, когда он открывает дверь с помощью карты и придерживает ее для меня.

– Этот номер сдан в постоянную и эксклюзивную аренду мистеру Армитеджу, – объясняет он. – Здесь он размещает своих дам. – Взгляд мальчишки скользит по мне. – Хотя вы не соответствуете его типу, если можно так выразиться. – У парня краснеют щеки, и я хлопаю его по плечу. Внезапно он начинает нервничать.

– И слава богу, я бы сказала. Расслабься, я никому не нажалуюсь, что ты такой болтун.

– Спасибо.

Сотрудник с явным облегчением исчезает, а я закрываю дверь и шагаю в просторную гостиную. Кроме этой комнаты в моем распоряжении спальня и ванная с джакузи. Ангел что, встречается тут со своими подружками? Вывод напрашивается сам собой. К тому же отсюда он может в любой момент уйти, как только дама ему наскучит. У меня мелькает мысль поспать на диване, а не в постели, где он наверняка кое-чем занимался. Однако кровать выглядит невероятно удобной, и диван проигрывает. Самое главное, забравшись под одеяло, не наткнуться

на забытые игрушки для взрослых. Хотя этот парень точно не нуждается во вспомогательных средствах, чтобы порадовать партнершу. А я однозначно слишком долго не занималась сексом, раз задумываюсь на подобные темы. Раздосадованная этим открытием, я устраиваюсь в кресле, пишу Малакаю и Гарольду, заодно посылая им свое местоположение. Потом отправляюсь на поиски мини-бара и набиваю желудок найденными там орешками и чипсами. Больше всего мне хочется улечься в постель, включить Netflix и заказать какой-нибудь еды в номер. Телевизор на стене просто огромен. Но, к сожалению, пери уже скоро меня заберет, и готова поспорить, что она явится вовремя. Я раздеваюсь и принимаю холодный душ, чтобы взбодриться и не терять бдительности, когда вновь встречаюсь с ангелом.

Как и ожидалось, в дверь стучат с точностью до минуты. Открыв ее, я одабриваю улыбочкой пери, которая абсолютно не меняется в лице. Затем молча слеую за Энолой к лимузину, и она везет меня сквозь лондонскую ночь. Мы направляемся в Белгравию. Разумеется, ангел живет в одном из самых фешенебельных районов Лондона. У особняка, перед которым мы некоторое время спустя паркуемся, шикарный викторианский фасад. Наверняка он стоит целое состояние, и я не сомневаюсь, что внутри дом еще прекраснее, чем снаружи. Большинство зданий в этом квартале принадлежит семейству Гровенор, герцогам Вестминстер. В некоторых из них я даже побывала, после того как тете взбрело в голову ввести меня в высшее общество, чтобы удачно выдать замуж. Мне тогда исполнилось всего девятнадцать. Ну и... что тут скажешь? Пусть это делалось с добрыми намерениями, но тетина затея с треском провалилась. Все-таки мы живем в двадцать первом веке, что, кажется, не совсем доходит до представителей определенной прослойки общества, к которой мне категорически не хочется себя причислять.

Я распахиваю дверцу машины, как только та тормозит, и выхожу на очень ухоженную дорожку. Фасад узкого дома белоснежный, а входная дверь, инкрустированная деревом по дереву, покрыта черным глянцевым лаком. Вслед за Энолой я поднимаюсь по короткой лестнице в несколько ступеней. Она стучит дверным молотком, и Азраэль лично открывает дверь. Как и я, он тоже переделся и теперь щеголяет в черных джинсах и облегающей черной футболке.

– Как раз вовремя, – ворчит ангел, отступая в сторону, чтобы пропустить нас внутрь. Он стоит босиком, а длинные волосы свободно струятся по его спине. Прежде чем запереть дверь, Азраэль быстро смотрит на улицу, но там ни души, ведь уже почти половина одиннадцатого. Один из стоящих вдоль тротуара исторических фонарей мигает и гаснет, как будто ангел выключил его взглядом.

– Вы уже что-нибудь выяснили? – интересуется Энола.

Азраэль выглядит еще более напряженным, чем раньше.

– Нет, именно в этом и проблема, – коротко отвечает он.

Затем разворачивается и направляется к винтовой лестнице на цокольный этаж. Во многих домах Белгравии имеются оборудованные всевозможной роскошью подвалы. Лестница ведет через помещение, вдоль стен которого расположены темные стеллажи с множеством бутылок вина. Мы шагаем еще ниже, проходя мимо двух саун и зоны отдыха. Стены и пол здесь покрыты ослепительно-белым мрамором. Последний подземный этаж завершается тесным коридором, из которого ведет всего одна дверь. Тут довольно холодно, однако мурашки у меня по шее бегут не от этого. Дело, скорее, в кожаной звукоизоляции, которой обита дверь. Я оглядываюсь, чтобы прикинуть, смогу ли убежать обратно, но дорогу назад перекрывает злобно ухмыляющаяся Энола.

– Не бойся, – заявляет ангел. – Взперти ты мне пользы не принесешь. А ты иди наверх и будь начеку, – приказывает он пери.

Та без возражений исполняет приказ. Это объясняет, почему она лучшая подруга Азраэля. Пери подчиняется ему с полуслова, а он, судя по всему, именно это и любит в женщинах.

Ангел ждет, пока она опять поднимется по ступеням, и наконец поворачивается к таинственной двери.

– Э-э-э... – начинаю я. Вполне вероятно, он все-таки любит игрушки. В таком случае я не его подружка, и лучше сразу Азраэлю об этом сообщить.

Он толкает дверь, и это действительно игровая комната, хотя и не такая, как я опасалась. Нас встречает тихая музыка. Музыка, которая обычно играет в барах. Вполне вписывающаяся в обстановку барная стойка с кучей бутылок находится у противоположной стены. Еще я обнаруживаю несколько пинбольных автоматов, пару небольших столиков с разложенными игральными картами и креслами вокруг, а в середине располагается бильярдный стол.

Азраэль слегка сдвигается в сторону, пропуская меня. Я делаю шаг вперед и еще один, пока не останавливаюсь как вкопанная. В помещении присутствуют двое мужчин. Один стоит за стойкой и наливает себе виски, а второй, мертвее мертвого, лежит на бильярдном столе. Чтобы не испортить зеленое сукно, его накрыли брезентом. Во что я вообще ввязалась?

– Мы его не убивали, – невозмутимо объявляет Азраэль, когда я отшатываюсь назад, врезаясь в его грудь.

И тут же снова делаю шаг, чтобы оказаться вне зоны его досягаемости.

– Конечно, убийцы всегда так говорят. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Аз убивает чуть-чуть деликатней, – с усмешкой просвещает меня второй мужчина.

– Еще один шутник вроде тебя? – спрашиваю у ангела. Держась поближе к двери, я внимательнее присматриваюсь к покойнику. Не уверена, бессмертный он или нет, но труп в доме в принципе можно считать проблемой. Кто-то перерезал ему глотку. Во время путешествий я часто сталкиваюсь с жуткими ранами, но эта меня все равно шокирует. Порез наверняка сделан несколько часов назад, потому что он уже не кровоточит, а трупное окоченение, по-видимому, прошло. Я не то чтобы эксперт, но этот мертвец выглядит каким-то обмякшим.

Азраэль приближается к столу и с ничего не выражающим лицом рассматривает труп.

– Его здесь убили? – осторожно интересуюсь я.

– Мы нашли его сегодня после обеда в саду за домом, – отставляя стакан, объясняет вместо Азраэля живой молодой человек.

Его взлохмаченные рыжие волосы собраны в небрежный мужской пучок. Он одет в черные джинсы, кеды и расстегнутую черную рубашку, из-под которой выглядывает белая футболка с надписью красными буквами: «Адский огонь». Под ней принт в виде черепа и двух скрещенных костей. Подходящий красный ремень с эффектной медной пряжкой завершает образ. Он явно должен смотреться потрепанным, однако я с первого взгляда замечая, насколько дороги все вещи. Этот бессмертный строит из себя рок-звезду. Впрочем, сейчас он обеспокоен. Даже более чем.

– Он пролежал там уже день или два. Ты его ждал? – обращается он к ангелу. – Где ты был?

– Осирис обещал прислать ко мне гонца, – отвечает Азраэль. – Но одновременно он дал мне задание. Я думал, что его посланник придет только после моего возвращения.

Псевдо-рок-звезда издает стон.

– Мой дорогой отец снова загребает жар твоими руками?

– На этот раз никакого жара. Мне предписано подключить к нашим поискам мисс де Вески. К тому же он поручил мне найти ее и лично попросить об одолжении. А леди любит путешествовать.

– Не было никакой просьбы. Если я сообщу Осирису о твоём небольшом шантаже, он превратит тебя в скользкую жабу! – выпаливаю я.

Рыжий поначалу выглядит озадаченным, а потом начинает хохотать. И не может успокоиться. Разве что по коленкам себя не хлопает. Ни капли уважения к умершим.

– Это Гор, – представляет мне его Азраэль. – Бог неба, бог царей, бог мира и света и к тому же бесчувственная бестолочь, что в данный момент как раз демонстрирует.

Гор, значит. Час от часу не легче. Парень, который способен читать мысли. После Осириса он правил всем Египтом. Честно признаться, я его представляла иначе.

С широкой улыбкой весельчак подходит ко мне. Он, похоже, и вправду забыл, что на столе лежит мертвец, потому что протягивает мне руку и подмигивает – вот так запросто.

– Леди де Вески, приятно познакомиться. Однажды я сталкивался с вашим родственником, пятым графом Карнарвоном. Говорят, вы полностью оправдываете его имя.

Я морщусь, имея собственное мнение относительно тех раскопок. Для меня это не что иное, как разграбление гробниц, и я не люблю, когда меня с ним связывают. А еще именно из-за этого я, как и Малакай, считаю, что наша семья должна вернуть сокровища Египту.

– Тарис, – отвечаю я, принимая протянутую для рукопожатия ладонь. – Меня зовут Тарис. Этого достаточно.

– Хорошо. – Гор наклоняется ко мне: – Я тоже терпеть не могу свой титул. И давно бы о нем забыл, если бы он постоянно мне о нем не напоминал. – Он указывает на Азраэля, в данный момент разглядывающего труп.

– Разве не надо сообщить об этом в полицию? – возвращаюсь я к настоящей проблеме. – Или хотя бы накрыть его?

Без понятия, как бессмертные поступают с телами погибших. В конце концов, с ними такое нечасто случается.

– Скоро я об этом позабочусь. – Азраэль закатывает рукав свитера убитого, обнажая широкий браслет. Украшение плотно обхватывает бледную кожу, закрывая половину предплечья. И в довершение всего оно, по всей видимости, изготовлено из чистого золота. Не в силах совладать с собой, подхожу к столу, чтобы внимательнее его изучить.

– Это не для глаз леди, – пытается меня остановить Гор, но я лишь отмахиваюсь:

– Можешь превратить меня в статую или что-нибудь в этом духе, если не хочешь, чтобы я на него смотрела.

– Запомню на будущее, – обещает он. – Просто не заблудь ковер.

Пол покрывает темный паркет, но я ему об этом не напоминаю.

– Со мной все в полном порядке, – вместо этого уверяю его я. – Не переживай за меня, я закаленная. А вот ты слегка позеленел.

– Не выношу вида крови, – застенчиво признается Гор. – У меня всегда был слабый желудок.

– Серьезно? А ты точно Гор? – на всякий случай спрашиваю я. – Бог с головой ястреба. Он кивает, и я хмурюсь:

– Ты бог войны, а вы сражались во всех мыслимых битвах. Уверена, там было немало крови.

Теперь он выглядит по-настоящему подавленным.

– Потому-то я и сыт ею по горло. К тому же это было миллион лет назад.

Тут он, конечно, прав.

– Тогда иди подыши свежим воздухом, – советую, вставая с другой стороны стола.

– Кто это? – спрашиваю у Азраэля. – Ты его знаешь?

– Один из потомков Осириса. Ребенок, зачатый смертной. Он должен был передать мне зацепку. Якобы какой-то новый след. Осирис не сказал ничего конкретного, кроме того, что мне нужно поручить поиски тебе.

Ангел вглядывается в лицо покойника. Мужчине максимум лет сорок, и при жизни он был довольно крепким. Все в нем даже сейчас излучает энергию бойца. Наверняка он попал в ловушку, ведь нет признаков долгого сопротивления.

– Что это такое? – указываю на браслет, наклоняясь над безжизненным телом, чтобы внимательнее рассмотреть драгоценность. Гор позади тихо стонет. Выгравированные иероглифы вызывают у меня восхищение. Без сомнений, работа настоящего мастера. Никогда не видела ничего настолько прекрасного.

– Эти браслеты изготовил Гефест. Мы используем их для передачи сообщений, – поясняет Азраэль, не давая мне времени расшифровать надписи. Он прижимает большой палец к одному из картушей⁸. С тихим шипением золото разъединяется, верхний слой поднимается, а под ним появляется узкая полость. Как раз нужного размера, чтобы спрятать внутри кусочек бумаги.

– Вот это я называю интересным тайником. – Такие вещи неизменно приводят меня в восторг.

– К сожалению, он пуст, – цедит сквозь зубы ангел. – Так и знал, что зря потащился за тобой в Бостон. Лучше бы ждал его здесь. Просто впустую потратил время. И еще этот день в какой-то глухомани...

– Тебя об этом никто не просил, – выгибаю я бровь.

Он поджимает губы:

– Если бы меня там не оказалось, твои останки сейчас стали бы кормом для рыб. Хотя демоны врат славятся тем, что мало чего оставляют от своих жертв.

Я скрещиваю руки на груди.

– Ну тогда я знаю, кому можно скормить твои останки. Вот только сомневаюсь, что ты такой же вкусный, как я, – желчно парирую я.

– Эй-эй, тайм-аут, – прерывает наши препирательства Гор. – Почему ты не попросил меня защитить Тарис? Я бы с радостью. И держу пари, мы бы очень весело провели время вдвоем. – Бог лукаво улыбается: – Он хотя бы предложил тебе чего-нибудь выпить и поесть?

В ответ мой желудок издает странные звуки.

– Вино. Только вино.

– Ну, уже что-то. Необычайно заботливо с его стороны. Ты собирался ее напоить?

На это Азраэль лишь рычит, отчего у меня волоски на шее встают дыбом. Я слишком быстро забываю, с кем имею дело.

Гор плюхается в кресло:

– Что теперь будем делать? Осирис взбесится из-за пропажи подсказки. Не представляю, к чему это все. История со скипетром стара как прошлогодний снег. Мы никогда его не найдем. Возможно, его уничтожили люди, как они...

– Я сообщу твоему отцу о происшествии, – бесцеремонно перебивает Азраэль. – Можешь раздобыть Нефертари какую-нибудь еду в отеле, а завтра отвезти ее обратно домой. – Он поворачивается ко мне: – Мне очень жаль, что я зря потратил твое время.

Ангел ничего не говорит по поводу нашей сделки, которую, видимо, считает разорванной. И все из-за потери загадочной зацепки. Меня затапливает страх при мысли о том, насколько слаб сегодня был Малакай. И хоть на лице Азраэля бесстрастное выражение, я вижу, как пылает гнев у него в глазах. Он с трудом сдерживается.

Гор мягко кладет руку мне на плечо. Я даже не заметила, как мужчина поднялся, а он уже стоит передо мной.

– Пойдем. – Куда делось все озорство? Сейчас он излучает едва ли не больше власти, чем ангел. – Лучше всего, если ты забудешь, что тут видела. Я отведу тебя поесть, а завтра ты вернешься домой.

⁸ *Картуш* (в древнеегипетской письменности) – продолговатый контур овальной формы с прямой линией внизу или сбоку (в зависимости от расположения надписи), который объединяет внутри себя несколько иероглифов, обозначающих царское имя.

Прекрасная идея, но я желаю вовсе не этого. Поэтому отстраняюсь от него, отказываясь сдаваться так просто.

– Любому бессмертному известна тайна браслета, так ведь? – спрашиваю твердым голосом, чтобы меня воспринимали всерьез. – Именно там бы первым делом стал искать тот, кто напал на посланника?

Разъяренный взгляд Азраэля останавливается на мне:

– Разумеется, но насколько глуп, по-твоему, Осирис? Только я мог открыть браслет. И больше никто.

Я киваю, не позволяя ему себя запугать. Для меня на кон поставлено все, для него – лишь какая-то древняя регалия власти. Будем откровенны, кого в наше время волнуют такие символы статуса?

– Первое правило при отправке секретных сообщений, – спокойно поясняю я, – не пересылай сообщение всего один раз. Насколько вероятно, что явится еще один гонец?

Азраэль качает головой:

– Осирис доверяет лишь немногим потомкам. Джейкоб скорее был исключением.

– Значит, Осирис тяжело воспримет его смерть. Сочувствую.

– Это вряд ли, – бросает Гор. – Осирис, конечно, хороший бог, но не самый любящий отец. С большинством собственных отпрысков он даже не знаком, но родительница Джейкоба понравилась ему больше других женщин, которых он укладывал в постель. Никогда не понимал, почему мать оплакивала Осириса, после того как Сет его расчленил. И еще меньше – зачем собрала его обратно.

– Здесь есть ножницы? – перебиваю, пока Гор не успел углубиться в подробности, потому что меня мало волнует его странная семейная история. У меня тут свои собственные проблемы.

– Ты что, собрала его разрезать? – В голосе Гора слышится напряжение. – Я тебя уверяю, Осирис не стал бы прятать еще одно сообщение у него в кишках. То, что вы, люди, хранили внутренние органы мертвецов в канопах⁹, являлось исключительно вашей безумной идеей. В этом правда нет никакой необходимости.

– Я хочу разрезать не *его*, а его свитер, – терпеливо растолковываю я. – Сообщение может быть спрятано где угодно. Ничего нельзя упускать.

– Что ж ты сразу не сказала? – бурчит Гор и направляется к двери, которую я до этого момента не замечала и за которой, судя по всему, расположена ванная комната. Это я понимаю, быстро покосившись в ту сторону, когда он открывает дверь. Мне в глаза бросается, что там даже имеется душевая кабинка.

– Он довольно чувствительный парень, да? – шепчу Азраэлю, который упорно смотрит прямо перед собой.

Я тихо вздыхаю. От обоих мужчин реально никакой помощи. Всегда приходится все делать самой. Впрочем, мне не привыкать. Хотя бы под ногами не путаются.

Вернувшись, Гор протягивает мне маникюрные ножнички. Я воздерживаюсь от комментария относительно размера инструмента и начинаю разрезать свитер покойника снизу вверх. Открывается нетронутый, немного волосатый живот, а потом грудь. Но, к сожалению, не нахожу никаких посланий или татуировок, которые можно было бы считать посланиями.

– Перевернем его на живот, – команду я, после того как тщательно обыскала бока и шею.

– Она с него еще и штаны снимет, – мрачно предсказывает Гор. – Страшная женщина. Бедный Джейкоб. Он всегда так гордился своим... ну, вы знаете, что я имею в виду.

Я поворачиваюсь к нему:

⁹ *Канопа* – ритуальный сосуд, в котором древние египтяне хранили внутренние органы умерших, извлеченные при мумификации.

– Если понадобится, я и его сам-знаешь-что осмотрю. Весьма вероятно, что он сделал себе там татуировку с сообщением.

Гор морщится, словно от боли:

– Не думаю. Никакая верность не способна зайти так далеко.

– Точно нет? Помогай, – велю я... и совместными усилиями мы переворачиваем труп.

Увы, на спине тоже чисто.

– Штаны, – решаю я. Очевидно, мне этого не избежать.

– Довольно! – властно произносит Азраэль. – Осирис не так хитер, как ты думаешь. Он отправил сообщение тем же способом, что и всегда, а значит, оно пропало.

Я скрещиваю руки на груди:

– Не сомневаюсь, что перед этим он сделал копию. Ты не можешь просто его спросить? Как вы друг с другом общаетесь? С помощью телепатии или чего-то покруче?

– Она не отстанет, – говорит Гор. – Сделаем ей одолжение. Вдруг он спрятал послание в носках?

Азраэль вот-вот потеряет терпение, но снова переворачивает мужчину.

– Сними с него обувь и носки, – инструктирую Гора, который морщит нос, но хотя бы больше мне не перечит. Не ожидая уже помощи от Азраэля, я принимаюсь за ремень с причудливой пряжкой. Во-первых, в ней не один язычок, а сразу несколько. Застежка же, наоборот, скрыта под искусным серебряным дамаскинажем¹⁰. На мой взгляд, немного перебор, но он как никак потомок бога.

– Дай мне, – требует ангел, наблюдавший мое сражение с застежкой. Он сдвигает декоративную пряжку, которая служит только для украшения, а следующим движением руки расстегивает ремень. Потом вытягивает его из брюк и небрежно бросает на пол.

У меня внутри прорывается возбужденное жужжание, когда краем глаза замечаю нечто странное.

– Дай-ка мне его еще раз, – требую я, быстро добавляя «пожалуйста», пока он снова на меня не набросился.

Ангел действительно нагибается, передавая мне ремень. Светлая кожа, из которой тот сшит, очень тонкая. Я аккуратно беру его за один конец и иду с ремнем к одному из игровых столов. Лампа над ним регулируется, и я тяну ее вниз. Потом прикладываю пояс внутренней стороной вверх. Так и знала! Я сдерживаю торжествующую усмешку, когда вижу буквы.

Гор и Азраэль подходят ко мне с обеих сторон и смотрят на находку.

– Это греческие буквы, – верно подмечает ангел.

– Сообщение от Зевса? – В словах Гора сквозит удивление. – Я думал, они с Осирисом больше не разговаривают. Что там написано?

– Ничего, – выплевывает Азраэль. – Ничего там не написано. Это просто набор букв без всякого смысла.

– Моего бесценного отца обвели вокруг пальца? – стонет Гор.

– Это не ничего, а закодированное послание, – произношу я в тот момент, когда ангел бьет кулаком по бару. Несколько бокалов выскакивают из держателей и разбиваются.

Я отшатываюсь и со всех ног мчусь к двери. Бегство – это мое первое средство при столкновении с опасностью. Оставаться в помещении с двумя разгневанными бессмертными и одним покойником было бы неопишуемой глупостью. Хотя бы потому, что не желаю составить ему компанию. Бессмертные славятся тем, что сначала действуют, а потом думают. Вчера вечером мне повезло, сегодня я в этом сомневаюсь.

– Стоять! – ревет Азраэль, когда я распахиваю дверь, но врезаюсь в невидимую стену.

¹⁰ *Дамаскинаж* – техника в ювелирном искусстве: нанесение с помощью насечек золотых или серебряных узоров на металлические изделия.

Энола, которая вообще-то должна находиться где-то наверху, ухмыляется мне с другой стороны. Видимо, это ее рук дело. Ангел обхватывает рукой мою талию. Меня окутывает его запах, и по спине струится пот. Он так крепко прижимает меня к своему стальному телу, что мне не дотянуться до ножа за поясом. Я резко откидываю голову назад и с удовлетворением слышу хруст ломающейся кости и мужской стон. Азраэль мгновенно меня отпускает, но Энола тут же тянется сквозь прозрачный барьер, хватая меня одной рукой за шею и сжимает. Ее глаза начинают сиять золотым светом, а на лбу и скулах проступает серо-голубое мерцание. Под ее кожей закручиваются неистовые цветные водовороты, пока пери меня душит. Ну хотя бы не выпустила когти. Наверное, ждет приказа.

– Ради Исиды, отпусти ее, Энола. Она не убила Азраэля, всего лишь носик сломала, – вмешивается Гор, когда у меня все начинает расплываться перед глазами. – Переживет.

Хватка разжимается, и я больно приземляюсь на пол. До этого Энола подняла меня в воздух, а я даже не заметила. Одной рукой! С ума сойти, сколько силы скрыто в этой хрупкой девушке.

Колени болят, и на глазах выступают слезы, но я стискиваю зубы, а Гор тем временем помогает мне встать.

– А теперь давайте немного успокоимся, – требует он. – Что на тебя нашло?

– Она его ранила, – отвечает Энола, задрвав подбородок. Ее взгляд прикован к чему-то у меня за плечом.

Я оборачиваюсь. Азраэль прикрывает ладонью нос, а между его пальцами капает кровь. Заслужил.

– Не мог бы ты сходить в ванную? – просит приятеля Гор. – Ты тут все перепачкаешь.

Разъяренный ангел топает прочь, и вскоре после этого мы слышим, как включается вода. Между тем Гор ведет меня к креслу, усаживает туда и наливает виски со льдом. Алкоголь на практически пустой желудок – это, конечно, неразумно, но сейчас он мне реально нужен. Ноги подгибаются, а руки трясутся. Я сломала нос Азраэлю. И пусть он сам виноват, но я поступила глупо. Поспешно выпиваю виски, наслаждаясь обжигающим ощущением в горле, а потом делаю глубокий вдох и выдох. Остается надеяться, что эти трое выпустят меня отсюда живой.

Проходит пара минут, прежде чем ангел возвращается из ванной... и от сломанного носа уже, к сожалению, ни следа. Только на футболке виднеются два нечетких пятнышка. У этого парня сверхмощная способность к самоисцелению. Очень жаль вообще-то. Он смешивает себе напиток и сразу садится ко мне за маленький столик.

– Прости, я не хотел тебя напугать.

– Все в порядке, – осторожно иду на компромисс я, пусть и не особо доверяю его извинениям. – Я слишком остро отреагировала.

– Хочешь немного побыть одна? – Его зеленые, как мох, глаза внимательно смотрят на меня. – Можешь освежиться.

Стараясь не делать резких движений, я направляюсь в ванную и запираю дверь. Совершенно без сил прислоняюсь к стеклянной стенке душевой кабинки и глубоко вдыхаю. Когда сердцебиение немного успокаивается, достаю мобильник и отправляю Малакаю свое текущее местоположение. Но не пишу о произошедшем, чтобы он лишний раз не волновался.

«Первая зацепка о том, где находится скипетр, – это закодированное сообщение на древнегреческом, – печатаю я. – Шифр скитала».

Малакай моментально отвечает: «Ты сможешь его расшифровать?»

«Смогу, не переживай. Остальное позже. Пришлю тебе фотографии».

«Я всегда переживаю. Будь настороже».

Посылаю ему смайлик с сердечком и снова убираю телефон. Как всегда, одной короткой переписки с братом хватает, чтобы меня успокоить. Иметь человека, которому можно безого-

ворочно доверять и кого беззаветно любишь, – это подарок, который я не позволю у меня отнять.

Вымыв руки, я подставляю запястья под холодную воду. Потом прижимаю пальцы к щекам и смотрюсь в зеркало. Отпечаток от хватки Энолы на моей шее видно более чем отчетливо. Еще пара минут, и я бы задохнулась.

Раздается стук в дверь, и до меня доносится встревоженный голос Гора:

– Тарис, все нормально? Можешь выходить. С тобой ничего не случится.

«*Порой Азраэля следует игнорировать, я тоже так делаю*, – слышу я его голос уже не вслух, а у себя в голове. – *Он просто совершенно бесчувственный*».

За этими словами следует тихий смех.

Поверить не могу.

«*Проваливай из моих мозгов!*» – мысленно шиплю я.

«*Уже ушел, но не бойся нас*».

Я тщательно вытираю руки, открываю дверь и с удивлением отмечаю, что мертвец и Энола пропали. Вместо них на маленьком столе появились бокал красного вина, вазочка с оливками и еще одна с крекерами.

– Ты наверняка думаешь, что мы ужасно негостеприимны. – Гор выглядит искренне раскаивающимся, хотя он вообще ничего не сделал. – Давай начнем еще раз с самого начала. Без труппа и все такое.

Мне с трудом удается сдержать улыбку. Имей я дело только с ним, все было бы гораздо проще.

Гор довольно улыбается и ведет меня к столу. Надо следить за своими мыслями, когда он в комнате. Вдруг получится как-то экранироваться. Знать, что он в любой момент способен оказаться у меня в голове, – не самое приятное чувство.

– Это можно отключать, – внезапно заявляет Гор. – Я пользуюсь даром только в случае крайней необходимости. Твоя голова все еще принадлежит тебе. Прости, принцесса.

Азраэль сидит в кресле, изучая ремень.

– Значит, ты считаешь, что это закодированное сообщение, – говорит он, больше не упоминая потасовку.

Я набираю себе горсть крекеров. Рано или поздно я сегодня нормально поем, иначе мой мозг просто выключится.

– Я не просто считаю, я знаю.

– Вы только ее послушайте! – Гор придвигает себе третье кресло и берет вазочку с оливками. Если хочу успеть съесть хотя бы парочку, нужно поторопиться.

– Это шифр *скитала*, – объясняю я. – Спартанский генерал Лисандр таким посланием предотвратил нападение персов в 404 году до нашей эры.

– Скитала – это палка или трость. Это греческий термин, – произносит Азраэль.

Я согласно киваю.

– При таком способе шифрования полоску бумаги, пергамента или кожи по спирали обматывают вокруг палки. Потом на ней пишут сообщение. А когда разматывают обратно, видно только беспорядочный набор букв, как у нас на кожаном поясе.

– И как нам это прочитать? – чешет затылок Гор.

– Нужна палочка, максимально идентичная той, на которой записывали текст. То есть раз это сообщение от Осириса, он должен был отправить тебе и палку.

– Оно не напрямую от Осириса. Он сам только его обнаружил, – сообщает Азраэль. – И я уверен, что браслет служил просто отвлекающим маневром. Убийца не сумел его открыть, но не сообразил поискать в другом месте. А трость Джейкоб с собой не принес. Да и было бы нелогично передавать мне то и другое вместе.

– От этого старика всего можно ожидать, – без тени уважения вставляет Гор.

У ангела едва заметно приподнимается левый уголок рта.

– Осирису и самому просто подкинули эту зацепку, а он ничего не смог с ней сделать. Вероятно, поэтому мне следовало ввести тебя в игру. Нам вместе предстоит выяснить, какая нужна палка.

– Тогда спроси его, откуда и от кого он ее получил и как давно она у него находится. Ремень довольно старый.

– Мы же просто собираемся расшифровать сообщение, зачем тебе эта информация? – вздыхает Азраэль.

– Потому что она облегчит поиск подходящей трости, неужели это так трудно понять. Хотя ты, конечно, можешь пробовать палочки разных диаметров, если у тебя есть время и хватит терпения.

– Время – это последнее, что у нас есть! – огрызается ангел. – Убийство Джейкоба доказывает, что мы не единственные, кого интересует эта подсказка. Нам очень повезло, что убийца не обнаружил ремень.

– Он просто оказался не таким умным, как наша Тарис, – вклинивается Гор.

– Спасибо за комплимент. Ну так что, ты добудешь нам сведения? – спрашиваю у Азраэля, не намеренная сдаваться.

Он встает:

– Для этого мне нужно в царство мертвых.

– А я и не рассчитывала, что у Осириса там, внизу, ловит мобильная связь, – откликаюсь я. – Ты ангел смерти, разве ты не постоянный гость в загробном мире? Не сомневаюсь, Осирис будет рад тебя видеть.

Когда-то Осирис главенствовал над египетскими богами. Как уже упоминал Гор, его убил и расчленил собственный брат, Сет. Супруга Осириса, богиня Исида, собрала эти куски... Любопытный факт: пенис Осириса, к сожалению, так и не нашелся. Исида заново сложила труп, и каким-то образом мертвому и лишенному мужского достоинства богу удалось зачать богине ребенка. Как именно это произошло, мне не хочется даже представлять. В любом случае результатом этого союза стал милашка Гор. После погребения Осирис вернулся к некой форме жизни и с тех пор правит загробным царством. Там он стал верховным судьей на суде мертвых. Все умершие обязаны предстать перед этим судом, где взвешиваются их сердца. Процесс проходит в чертоге обоюдной правды. Для этого сердце покойного кладут на одну чашу весов, а перо Маат, богини правды, – на другую. В зависимости от того, окажется сердце тяжелее или легче пера, душа отправляется в мрачное царство мертвых или на поля праведников.

– Посмотрю, что смогу сделать. – Азраэль обменивается взглядом с Гором. – Но сначала отвезу тебя обратно в отель.

– Не утруждайся. Я могу вызвать такси.

Я тоже встаю. На сегодня я сыта его обществом. И чем скорее уберусь отсюда, тем лучше.

– Забудь. – Азраэль вырастает передо мной, преграждая путь.

Ради всего святого, как можно быть таким командиром?

– Давай это сделаю я, – к моему облегчению, предлагает Гор. – Я гораздо вежливее тебя.

Ангел закатывает глаза, но не спорит.

– Приложи холод к ране.

Бросив последний взгляд на мою шею, он выходит прочь из комнаты.

– Как ни странно, на этот раз он прав, – соглашается Гор. – Пойдем, уложим тебя в кровать.

– Можешь высадить меня перед входом в отель. Я сама в состоянии накрыться одеялом. В конце концов, уже большая девочка.

– Жаль. Потому что я лучший в мире накрыватель.

Мне не удастся сдержать ухмылку:

– Могу себе представить, но все равно вынуждена отказаться. Возможно, в другой раз.

– Значит, продинамишь меня? – Гор так заразительно улыбается, что на мгновение у меня возникает желание принять его предложение. Я уже и не помню, когда в последний раз ложилась в постель не одна. Однако я никогда не завожу интрижки с клиентами, а тем более не связываюсь с бессмертными.

– Переживешь. Но прежде чем уедем, мне нужно сфотографировать ремень. Вдруг замечу что-нибудь, если рассмотрю его в спокойной обстановке.

– Лучше выспись нормально, а не играй полночи в детектива. Завтра будет новый день.

– А вот он очень спешил. – Я киваю в сторону двери, за которой скрылся Азраэль, и просто не могу не думать о Малакае. Рассказал ли ангел своему другу о нашей договоренности?

– Он всегда спешит, – отвечает Гор. – Советую не воспринимать его слишком всерьез.

Я достаю телефон из кармана брюк и делаю целую кучу фотографий. Гор терпеливо ждет, пока я закончу, после чего ведет меня к элегантному «Porsche», припаркованному в соседнем переулке.

– Расскажи мне что-нибудь о себе, – прошу я, когда авто трогается с места. – Почему ты с ангелом в Лондоне?

Гор на довольно высокой скорости заворачивает за угол.

– А где мне еще быть? Я люблю этот город, а Аз мой близкий друг, хотя раньше он был повеселее.

– В Каире не так уж плохо, – замечаю, прежде чем рискнуть расспросить его о приятеле. – Прежде всего, там теплее.

– Тебе холодно? – Он включает обогрев салона. – Я не особо ташусь от всей этой жары и песка. Мать раньше хотела, чтобы я остался в Египте, где она могла бы за мной приглядывать. Но я слишком любопытный. На земле столько интересных народов – что тогда, что сейчас – и так много женщин, которые считают, что подружиться с богом – это круто.

– Подружиться?

Гор проезжает светофор на желтый, и позади нас громко сигналият.

– Ты прекрасно поняла, что я имею в виду. Я ничего не обещаю, и все получают удовольствие.

– Что тебе известно о краже скипетра? – меняю тему, чтобы он не начал болтать о своих любимых позах.

Этот бог реально не заморачивается по поводу границ личной жизни. А ведь Азраэль меня предупреждал. Гору неведомо, что такое сдержанность, но это делает его человечным, что ли. Скажи мне вчера, что сегодня я буду вести подобные разговоры с бессмертным, а точнее, с тремя бессмертными, я бы его высмеяла.

– Не больше, чем Азраэлю, – отвечает Гор на мой вопрос.

– И ты никогда не обсуждал это с отцом? Все-таки Сет твой дядя.

– Так и есть, но это ничего не значит, а отца я целую вечность не видел. Как-то меня не тянет в царство мертвых. А то его еще посетит дурная мысль и там назначить меня своим преемником. – Гор тормозит, а я отмечаю, как поразительно быстро мы добрались до отеля. – Проводить тебя наверх? Можем заказать что-нибудь вкусное на ужин и посмотреть сериал. В номере Азраэля чертовски большая кровать.

Мой мобильник издает сигнал, показывая сообщение с неизвестного номера. Я открываю его.

«Если он станет настаивать, чтобы ты пустила его в свою постель, даю разрешение сломать нос и ему».

Это какое-то извращенное предложение перемирия или ангел думает, будто я сама не разберусь?

«Слишком поздно, мы уже в постели. И не волнуйся, он в целости и сохранности», – печатаю я ответ и ставлю телефон на беззвучный режим.

– Это Азраэль, да? – со смешинками в глазах смотрит на меня Гор.

– А он, похоже, настоящий друг. Говорит, чтобы я сломала тебе нос, если будешь на меня наседать.

– Со мной бывало и похуже. – С молниеносной скоростью он наклоняется вперед и целует меня в щеку. – Спокойной ночи, принцесса, и сладких снов.

Я качаю головой из-за дурацкого прозвища, которым меня до этого уже называла Энола.

– И тебе того же.

Выйдя из машины, я пересекаю вестибюль и поднимаюсь на лифте в свой номер. Там снимаю одежду и принимаю на этот раз горячий душ. Закутавшись в невероятно мягкий банный халат, заказываю себе тальятелле с лососем в соусе из белого вина и яблочный крамбл на десерт. Затем беру мобильный и удобно устраиваюсь с ним в кровати. Азраэль больше ничего не писал. Сначала я сохраняю его номер под именем «Придурок» и набираю Гарольду сообщение, что я жива и здорова, уже в номере отеля. Потом выбираю фото, на которых лучше всего видно текст послания, и загружаю их в облачный сервис, к которому у нас с братом совместный доступ. Два глаза хорошо, а четыре – лучше.

Когда раздается стук в дверь, я поднимаюсь, открываю, и официант завозит в комнату тележку. На подносах под двумя серебряными колпаками прячется мой ужин, а рядом стоит еще один контейнер, в котором подается лед и сохраняется холод.

– Мистер Армитедж позвонил и сказал, что вам нужен лед, – сообщает мне молодой человек.

Вот уж не ожидала от ангела такой заботы. Вручив юноше чаевые, я толкаю тележку в спальню, к своей кровати. После этого включаю телевизор и захожу в свой аккаунт на Netflix. Мы с братом смотрим документалку о нераскрытых преступлениях и большую часть времени ломаем голову над тем, что случилось на самом деле и что упустили следователи. Взяв тарелку с макаронами, я облокачиваюсь на подушки и впервые за день расслабляюсь, хотя уже почти полночь. Блюда оказались вкусными, и после десерта я чувствую себя такой сытой и счастливой, что мне вообще больше не хочется двигаться.

В этот момент телефон пищит входящим сообщением от «Придурка».

«Приложи лед к шее».

Ни приветствия, ни смайлика. Да этот тип издевается?! Он еще хуже, чем Гарольд и Малакай, вместе взятые. Я не отвечаю, но задаюсь вопросом, не оборудована ли комната камерами. От этой мысли становится жутковато. Тем не менее я заворачиваю лед в полотенце и прикладываю к горлу. От холода тело пронзает коротким уколом боли. Снова уютно закутавшись в одеяло, я выключаю маленькую лампу возле себя. Единственным источником света теперь остается телевизор.

Гор прав. Сегодня ночью я высплюсь, а завтра займусь загадкой. Не сомневаюсь, что существует какое-то простое решение. Так обычно и бывает с загадками, которые поначалу кажутся особенно сложными.

Азраэль

Она не ответила на мое сообщение. Не то чтобы я ожидал чего-то. Для этого Нефертари слишком упрямая, и, видит бог, я мало что сегодня сделал, чтобы она могла мне доверять. Лично я на ее месте не стал бы. Надеюсь, в отеле она в безопасности. Можно активировать камеры, но если девчонка узнает, что я лезу в ее личное пространство, то сотворит что-нибудь похуже сломанного носа. Мне почти хочется, чтобы Гор уговорил ее провести с ним ночь. Но он только что вернулся домой и тут же ушел к себе в комнату. Надо бы спросить Энолу, куда она дела труп, но я до сих пор дико на нее зол. Она едва не убила девчонку. Такой взбешенной я пери давно не видел. Что на нее вообще нашло? Нефертари права. Мне нужно лично отправиться к Осирису и потребовать больше информации. Но я правда очень не люблю посещать загробный мир.

Подойдя к окну, смотрю на улицу. Откуда взялся этот ремень? На протяжении тысячелетий после исчезновения регалий все время всплывали зацепки, указывающие на их местонахождение, однако следы неизменно обрывались. Сет передал людям ковчег и наверняка проинструктировал их, как с ним обращаться. Все постоянно сводится к нему. Но он уже более трех тысячелетий не ступал на землю. Даже он не может знать, что с тех пор произошло с ковчегом. И поделом ему, что его коварный план провалился. Он собирался заполучить регалии для себя, а теперь они потеряны для всех нас. Я ни на секунду не верю, что Нефертари отыщет скипетр. Как у нее может получиться то, что не удалось стольким бессмертным?

Налив себе последний на сегодня бокал виски, я устраиваюсь перед камином и смотрю на огонь. Возможно ли, что зашифрованный на поясе текст действительно куда-то нас выведет? Подвергаю ли я девчонку опасности, впутывая в это дело? Если даже безобидный посыльный убит, что произойдет с ней, когда она выяснит больше? Демон врат, который напал на нее в Бостоне, оказался там так же не случайно, как и я.

Со вздохом я встаю, чтобы отправиться спать, когда на телефон поступает сообщение:

«Скипетр Уас, которым египетские фараоны подчеркивали свою власть, похож на тот скипетр, который мы ищем?»

Девчонка шутит? Уже первый час ночи, а она целую вечность на ногах.

«Почему ты не спишь?»

«А ты почему?» – тут же прилетает в ответ.

Справедливый вопрос.

«Потому что ты мне все нервы вытрепала».

Не ночуй она в моем номере в отеле, я мог бы поразвлечься там с какой-нибудь женщиной. Лучше не буду этого писать.

«Говори уже», – требует она.

Как Нефертари до этого додумалась? Так называемый скипетр Уас действительно олицетворял власть, которую боги передали фараонам. Поэтому ее умозаключения не так уж далеки от истины. Но в отличие от Скипетра света у скипетра Уас имеется навершие в виде головы зверя, а снизу он раздваивается. И, разумеется, в нем нет ни капли магии. Первым фараоном, который повелел изготовить Уас по образу и подобию Скипетра света, был Сети I. Эта идея пришла ему в голову после коронации, когда Осирис покрутил у него перед носом нашим скипетром. А затем он превратился в символ статуса многих фараонов.

«Настоящий скипетр Уас создавали по параметрам Скипетра света», – пишу я.

«У тебя в каком-нибудь ящике не завалилась такая штука?»

Не в силах удержаться, тихо смеюсь над ее наглостью.

«Я похож на фараона?»

«Не-а. Кстати, где ты прячешь свои крылья?» – следует моментальный вопрос.

«Там, где ты их не увидишь».

Я с нетерпением жду ответа.

«Когда-нибудь ты все равно мне их покажешь, но пока принеси пользу и раздобудь нам скипетр Уас. Увидимся завтра утром в девять часов. Я вызову такси до твоего расфуфыренного квартала, так что не напрягай свою телохранительницу».

«Я распоряжусь, чтобы тебя забрали», – печатаю я, но ответного послания уже не получаю.

Где мне до завтрашнего утра достать скипетр Уас, причем не дешевую подделку для туристов? Я вздыхаю, потому что на ум приходит только одно место, и, по-моему, у Нефертари там связи получше. Эта маленькая жаба пытается меня одурачить, а я за нее беспокоился. Охотсья за ней убийца, она, скорее всего, обратит его в бегство своим острым языком. Я массирую пальцами виски. Всего пара часов рядом с девчонкой, а у меня уже голова раскалывается. Надо избавиться от нее как можно скорее. Долго я ее не выдержу.

Уже в восемь утра я прошу Энолу отвезти меня в «Rosewood», чтобы эта зараза от меня не улизнула. Лучшая подруга жутко сердится, когда бужу ее ни свет ни заря, но ничего другого я и не ожидал. Она любит поспать. Я тоже вообще-то.

– Ты извинишься перед Нефертари, – требую я, после того как мы садимся в машину. – Твоя вчерашняя реакция была совершенно излишней, а нам еще долго с ней работать.

– Кольцо огня и Корону пепла ты ее тоже заставишь искать?

Энола наблюдает за мной через зеркало заднего вида, и в ее глазах пляшут язычки синего пламени.

– Если найдет скипетр, будет глупо не дать ей попробовать. Она уже знает, что у Соломона имелось кольцо, просто не в курсе, что оно тоже относится к регалиям власти. Но уверен, на то, чтобы это выяснить, ей много времени не потребуется. Она довольно умна, если ты до сих пор не заметила. Но в конце концов решение за аристократами. Пока ей нужно пережить поиски скипетра.

– Она не из тех, кто любит секреты, – говорит Энола. – С твоей стороны было бы разумно сразу рассказать ей правду.

– Тебе известно, какое у меня задание. Я не имею права открывать ей больше. Но обещаю поговорить с Осирисом. Наверняка что-то случилось, иначе зачем мы вновь начали искать скипетр. Могу поспорить, что эта зловещая подсказка у него уже давно.

– Мне тоже так кажется.

Энола паркуется прямо перед отелем, и мы поднимаемся на лифте в номер. А когда оказываемся возле двери, из-за нее слышим громко играющую музыку кантри. То, что у нее такой кошмарный музыкальный вкус, не должно меня шокировать. В этой девушке нет ничего нормального.

Конечно, нашего стука она не слышит, так что я вынимаю свою ключ-карту. Мы заходим внутрь, и я застываю, словно громом пораженный. Такое ощущение, что тут взорвалась бомба или шло сражение. По всему номеру разбросаны одежда и полотенца. Посреди комнаты тележка с горой грязных чашек и тарелок. Нефертари перед окном с тюрбаном на голове и в едва прикрывающей ягодицы футболке крутит бедрами, будто профессиональная исполнительница танца живота. Я иду к комоду, на котором стоит bluetooth-колонка, и выключаю ее.

От внезапной тишины девушка резко разворачивается. Мимо проносится нож, вонзаясь в стену прямо рядом со мной. Отзвук его лезвия – это единственное, что я слышу, прежде чем она начинает возмущаться.

– Еще живой? – кричит она, с грозным видом направляясь в мою сторону. – Как ты смеешь ко мне вламываться?

Без понятия, где девчонка взяла этот нож, но в руке у нее наполовину съеденное яблоко, и я полагаю, что это ее завтрак. Впрочем, этот ножик не из тех, которыми нормальный человек стал бы резать яблоки, а складной. Маленькое, однако весьма эффективное оружие. Я выдерживаю его из стены и складываю.

– На случай, если сюда явится убийца Джейкоба, тебе стоит научиться целиться.

– Будь ты убийцей, нож сейчас торчал бы у тебя между глаз, умник. Или в том месте, где тебе будет по-настоящему больно. – Оказавшись рядом, Нефертари вырывает его у меня из рук. – Я же сказала, что возьму такси.

Я подчеркнуто спокойно бросаю взгляд на свои часы:

– Ты еще даже не одета и с мокрыми волосами. Долго ты собиралась заставлять меня ждать?

Я смотрю на ее шею. Следы от пальцев Энолы поблекли, но совсем не прошли. Люди слишком уязвимы.

– Я догадывалась, что ты помешан на контроле и пришлешь кого-то меня забрать.

Нефертари разворачивается, чтобы отправиться в ванную. Поймав ее за руку, я показываю на хаос вокруг:

– Что тут стряслось? Тебя ограбили? Тут пронесся ураган?

Она опускает глаза, и я почти верю, что ей стыдно за собственную неряшливость. Но только почти.

– Я не могла решить, что надеть, чтобы тебе понравиться, – мурлычет девчонка, вырываясь и промаршировав в ванную. Дверь с грохотом захлопывается.

О'кей, ей ни капли не стыдно за этот беспорядок.

– Пока она найдет скипетр, я лишусь рассудка. – Я падаю в кресло, на котором, к моему удивлению, ничего не валяется.

– Одно твоё слово, и она перестанет быть проблемой, – предлагает Энола, и я очень близок к тому, чтобы принять столь любезное предложение. Правда, тогда Осирис превратит меня в навозного жука. Такая судьба тоже не из лучших. Нефертари все-таки меньшее зло.

Проходит двадцать минут, прежде чем она возвращается. Черные шелковистые волосы уложены феном, на лице ненавязчивый макияж. На ней черные брюки, черные ботильоны и обтягивающий свитер с воротником-стойкой, который скрывает вчерашние синяки. Надо было принести ей мазь. Я хмурюсь от непривычной тяги заботиться, которая охватывает меня при виде девчонки. Она сама способна о себе позаботиться. В конце концов, она уже взрослая, о чем явно свидетельствуют изгибы фигуры, которые в этом наряде перестают быть тайной. Футболка огромного размера, которая была на ней вчера, меньше меня отвлекала. В этой одежде Нефертари выглядит совсем как аристократка, которой, собственно, и является. У меня плохое предчувствие.

Энола прочищает горло, и я отрываю взгляд от этой занозы.

– Ты раздобыл скипетр Уас? – Нефертари делает вид, будто не заметила, как я на нее пялился.

– В этом городе есть только одно место, где может храниться старинный скипетр, который отвечает твоим запросам, и это архив Британского музея. Поскольку ты принадлежишь к одной из спонсирующих его семей, я подумал, что будет разумнее, если ты сама у них спросишь, а не я влзу туда и отправлюсь на долгие поиски.

– А ты хорошо придумал, – улыбается так, будто я ребенок, который нарисовал очень красивую картинку, и я прищуриваюсь.

Нефертари злится на меня, но не совсем понимаю причину. На самом деле она должна пытаться наладить со мной отношения. Ведь считает, что я решаю, жить или умереть ее брату. Обладая острым умом, она не имеет ни малейшего представления о том, что важно в жизни.

Рука руку моет. Рано или поздно настанет миг, когда у нее перестанет получаться идти напролом и пробивать своей хорошенькой головкой все стены.

– Можем идти.

Нефертари накидывает белое пальто, подхватывает сумочку от «Gucci», а мне становится интересно, не спрятала ли она там еще один нож. И почему я не отправил Гора, как изначально планировал? Теперь уже слишком поздно.

Всю дорогу до Британского музея девушка строчит сообщения. И при этом улыбается расслабленно и мечтательно. Ни разу еще ее такой не видел. С кем бы она ни общалась, ему коготки не показывает. Время от времени Нефертари смеется, и между губами, на которые она нанесла лишь немного блеска, мелькает кончик языка. Я заставляю себя смотреть в окно.

– Ты взглянул еще раз на ремень? – чуть погодя спрашивает она. Видимо, закончила переписку с этим «кем бы то ни было».

– Взглянул, но умнее, чем вчера, не стал. Надеюсь, твоя идея со скипетром Уас окажется правильной. Как тебе пришло в голову, что это и есть тот жезл, с помощью которого мы расшифруем код?

– Никак. Это все Малакай. Я переслала ему фотографии. Он предположил, что это должен быть объект, доступный в те времена. Ведь скипетр – это что-то вроде ключа.

– Я все еще не понимаю, – признаюсь я.

– Пряжка на ремне старинная, а кожа очень тонкая. Это говорит о том, что текст написали не пару дней назад. То есть маловероятно, что автор рассчитывал, будто сообщение и подходящий жезл сохранятся. Поэтому должен был выбрать такой, который часто встречался, но всегда имел одинаковые размеры. Я пересказала Малакаю свои размышления, и он предложил попробовать скипетр Уас. В связи с тем что Сети I специально приказал скопировать скипетр, а после него так поступали и все остальные фараоны, то какой-то смысл в этом есть.

Нефертари пожимает плечами, словно это самое логичное объяснение на свете, и для нее оно, по всей видимости, таковым и является.

– С кем ты знакома в Британском музее? – Я стараюсь выглядеть не особенно впечатленным.

– Куратор – мой дальний родственник. Он всегда рад нам помочь.

Наверное, парень, который мечтает залезть ей под юбку. Ведь в их кругах браки между родственниками не редкость. Но ее личная жизнь меня не касается.

– Ты поговорил с Осирисом? – интересуется девушка. – Ему уже известно об убийстве?

– Хотел сначала сообщить ему о каком-то результате, прежде чем скажу, что Джейкоб мертв и мы не знаем, кто убийца.

Нефертари убирает смартфон в сумочку.

– Уверена, одну из загадок мы вот-вот решим, – оптимистично произносит она. – Тогда ты получишь свою хорошую весть.

В музее Нефертари с важным видом проходит мимо касс и машет рукой служащим. Никто ее не останавливает, и я делаю вывод, что она часто тут бывает. Вместо того чтобы подняться на лифте на административный этаж, девушка набирает код, который приводит нас в священные залы под музеем. Лишь невероятно малая часть хранящихся здесь сокровищ будет однажды представлена публике в выставочных залах. Большинство из них никогда не увидят дневного света. Что-то мне подсказывает, что обращенная ко мне просьба достать скипетр была просто проверкой. Она давно договорилась о встрече и хотела продемонстрировать мне мою собственную бесполезность. Как была заразой, так и осталась.

Нефертари целенаправленно шагает к стойке, расположенной прямо возле лифта. За ней на стуле сидит молодой человек и так внимательно изучает журнал с голой женщиной на обложке, что даже прослушал лифт.

– Адам, – зовет его девушка, – ты внизу прячешься от работы или тебя перевели сюда в наказание?

От испуга парень роняет журнал и заливается пунцово-красным цветом.

– Леди де Вески, я вас не слышал.

– Ну, ты был занят другими делами, – говорю я.

Повезло еще, что он штаны не успел снять. Люди!

– Я бы хотела кое-что показать своему другу, – продолжает Нефертари. – Из египетской секции. – Она берет меня под руку и кладет голову мне на плечо. Ее запах, сочетание миндального масла и роз, застает меня врасплох. – Хочу немного его удивить.

Судя по виду мальчишки, для этого ей не придется делать ничего нелегального.

– У вас имеется разрешение от кузена? – храбро осведомляется тот.

Девушка отрицательно качает головой:

– Я решила его не беспокоить. Он сейчас на очень важном совещании. Но ты же знаешь, что он ни в чем мне не отказывает.

Чертовка врет как по писаному, а этот бедолага весь издергался от отчаяния. Очевидно, тут нельзя просто так бродить.

– Пожалуйста, – приторно сладко добавляет Нефертари. – Тогда ты сможешь вернуться к тому, чем только что занимался. А я ничего не скажу своему кузену.

Парнишка краснеет еще сильнее, если такое в принципе возможно. Хотел бы я помочь, но придется ему выкручиваться самому.

– Хор... рошо, – заикается он. – Ну, вы знаете, где тут что.

– Конечно. Не беспокойся. – Она посылает ему воздушный поцелуй, отстраняется от меня и за долю секунды пропадает среди рядов высоких стеллажей, в которых хранятся экспонаты.

– Я бы тоже дал ей все, чего она хочет, – обращаюсь я к парню. – Но ты же знаешь женщин, всегда стремятся произвести впечатление на мужчин.

Тот лишь кивает в растерянности. Я следую за Нефертари. Приходится поторопиться, чтобы не упустить ее из виду. А она прекрасно знает, куда идти. Помню, я читал, что во время учебы она работала в Британском музее. Похоже, этой девушке сон вообще не нужен, ведь она училась одновременно по трем направлениям – истории искусств, философии и математике. Странная комбинация по нынешним временам, но ничего необычного в период Античности. Впрочем, не для женщин.

– Не очень-то любезно с твоей стороны, – упрекаю я, когда она останавливается и начинает изучать этикетки на картонных коробках. – У него будут неприятности. – Я прислоняюсь к стеллажу.

– Разве не у всех нас они иногда бывают? Ему просто нужно лучше выполнять свою работу, тогда не возникнет проблем. Сказать «нет» не так уж сложно. Это можно натренировать. Как мышцу.

– Ты не слишком к нему строга? Вдруг его уволят?

– Ему не повезет, но найдет что-нибудь другое. Мужчинам обычно гораздо проще все достается, чем нам, женщинам. Нам везде приходится стараться в три раза сильнее.

– Звучит так, будто ты написала научную статью на эту тему. – Я бы не удивился. Она вполне могла бы это куда-нибудь впихнуть.

– Моего жизненного опыта достаточно.

Нефертари вытаскивает узкую продолговатую коробку из плотного светлого картона, бережно кладет ее на пол и открывает. Забыв, о чем мы только что говорили, глотаю ртом воз-

дух. Перед нами лежит скипетр Уас Рамзеса II. Я слишком часто видел у него эту вещь, чтобы не узнать ее. Хотя мне казалось, что с течением веков она была утеряна. Теперь же скипетр лежит передо мной, а вместе с ним воскресают воспоминания о времени, когда пропал ковчег. Я откашливаюсь:

– Как он здесь оказался?

– А ты не знаешь? Эта находка стала сенсацией. Неужели ты не читаешь газеты? – Она проводит подушечкой пальца по рукояти.

– Я похож на того, кто интересуется человеческой политикой?

– Скорее нет, но надо бы. – По выражению лица можно прочесть, что девушка думает о моем невежестве, однако у меня и так полно дел с бессмертными.

– На самом деле никто не верил, что в Долине царей осталось что искать, – тихо рассказывает она, пальцем поглаживая иероглифы, выбитые на золоте скипетра. – Но в 1995 году американский археолог Кент Уикс все-таки обнаружил очередной гигантский погребальный комплекс. Его зарегистрировали под обозначением KV5. Предположительно, он включает в себя более ста помещений. Рамзес II приказал построить его для своих сыновей. Наверняка ты в курсе, что он был жутко старым и пережил многих своих детей.

– Его первенец, Амонхерхопшеф, пал жертвой десятой казни, – вырывается у меня.

– Значит, эти истории не врут? – цепляется за информацию Нефертари. – То есть десять казней¹¹ существовали на самом деле?

Я лишь киваю.

– Мумию Амонхерхопшефа нашли в одной из погребальных камер в KV5, а с ней лежал скипетр Уас его отца, – к счастью, продолжает девушка. – По нему однозначно идентифицировали сына Рамзеса.

Некоторое время я молчу, мыслями обращаясь к прошлому.

– Это объясняет, почему я больше не видел скипетр у Рамзеса. Видимо, он оставил его сыну для перехода в загробный мир. Очень великодушно. – На момент смерти Амонхерхопшеф уже не был ребенком, однако за пару лет до этого умерла его мать, и фараона просто опустошила потеря еще и их общего ребенка.

Нефертари внимательно смотрит на меня и в качестве исключения ничего не говорит. Уверен, пройдет совсем немного времени, прежде чем она сама сложит два плюс два. Она чересчур умна для этой игры в прятки. Из всех людей для своих интриг Сет выбрал не кого-нибудь, а именно Моисея, молочного брата Рамзеса. Тот убедил свой народ восстать против фараона и поклоняться только одному богу. Вместе они покинули Египет. На горе Синай Сет передал Моисею украденный ковчег и приказал спрятать, пока бог не явится его забрать. И на этот раз поступил хитрее, чем с Эхнатоном, которому всего лишь построил новый город. Моисей должен был получить целую новую страну, в стремлении к чему пообещал все, что потребовал от него Сет. Чтобы отвлечь внимание от собственных планов, Сет наслал на Египет десять казней. И цель полностью оправдалась, потому что воцарился настоящий хаос. Когда мы заметили, что ковчег исчез из тайника, Моисея уже и след простыл. Сет скрыл его и весь его народ от наших глаз. Аристократы хотели заставить его вернуть ковчег, но тот упорно твердил о своей невиновности. Никто ему не верил, так что бог солнца Ра был вынужден его наказать. Он выше всех нас, даже выше аристократов. Все безусловно признают авторитет Ра.

Мне следует рассказать все Нефертари. Она знает эту историю из Библии, пусть там и изложена отредактированная версия. Факты совпадают примерно наполовину, только интерпретация ошибочна.

¹¹ Десять казней египетских – согласно Библии, за отказ фараона отпустить евреев из рабства Бог наслал на египтян десять бедствий: превращение воды в кровь; нашествие жаб; нашествие мошек; наказание песьими мухами; мор скота; язвы и нарывы; гром, молнии и огненный град; нашествие саранчи; необычная тьма; смерть первенцев.

– Заберем скипетр с собой? – вместо этого спрашиваю я.

– За этим мы сюда и пришли, или ты струсил? – Она указывает вверх: – Есть пара камер, под них не заходи. В остальном меры безопасности так себе. – Девушка нахально улыбается: – С деньгами туго.

Я осторожно вынимаю скипетр Уас из коробки.

– Это кража. Ты ведь отдаешь себе в этом отчет?

– Кражей это будет, только если мы соберемся оставить его себе. А мы рано или поздно вернем скипетр обратно.

Я сую его под пиджак.

– Каждый строит свой мир так, как ему это нужно в данный момент.

Нефертари закрывает коробку и снова убирает ее на полку.

– Совершенно верно. – Она берет меня под руку. – Ты же наверняка практиковался в этом веками.

Возвращаясь назад, мы машем парнишке, который явно испытывает облегчение, когда уезжаем на лифте. Она тут же меня отпускает, но внутри до сих пор слышны отголоски ее близости. По пути на выход Нефертари ловко шагает передо мной, чтобы прикрыть скипетр. Из нее могла бы получиться воровка-наемница, реши она встать по другую сторону закона.

Энола с заведенным мотором ждет у тротуара и, едва мы садимся в машину, срывается с места.

Нефертари широко мне улыбается, а я аккуратно кладу скипетр на сиденье напротив. Не задавая вопросов, открываю холодильник и достаю бутылку шампанского. Потом открываю ее и наполняю два бокала.

– Я знаю, что ты не пьешь на заданиях, но сейчас мы празднуем победу на первом этапе.

Девушка принимает от меня бокал.

– Откуда ты знаешь, что это победа?

Ни на секунду не сводя с нее взгляда, я делаю глоток. Ее серебряные глаза сверкают, и мне становится тепло.

– У меня такое ощущение, что ты нечасто ошибаешься. И не пошла бы на такой риск, не будь абсолютно уверена, что это нужный жезл.

Она не подтверждает мое предположение прямо, но поднимает свой бокал и салютует мне им.

– Тогда за победу.

Тарис

Энола наблюдает за мной, пока я пью. На этот раз перегородка опущена, и она, хоть и едет по многолюдным улицам Лондона, ни на мгновение не выпускает меня из виду. Эта перистранная, впрочем, Азраэль и Гор тоже. В их присутствии я стараюсь выглядеть максимально крутой. В прошлом эта тактика неоднократно спасала мою шкуру. «Никогда не показывай противнику, что чувствуешь на самом деле» – это мой девиз выживания. Слишком многие готовы безжалостно использовать чужие слабости... и ангел определенно входит в их число, как бы очаровательно иногда себя ни вел. Все это не по-настоящему. Откинувшись на спинку кожаного сиденья, он смотрит в окно. Впервые с тех пор, как мы познакомились, он выглядит полностью расслабленным. Наверняка такое редко происходит. Тем не менее держу пари, что он способен за секунду перевоплотиться в воина, коим и является, и стереть в порошок любого, кто встанет у него на пути. Включая меня.

Зеленые глаза Азраэля неожиданно останавливаются на мне, но я отвожу взгляд. Почему я о нем думаю? Я никогда не забиваю себе голову мыслями о заказчиках. Это еще одно мое правило. Я работаю на них и концентрируюсь только на искомым сокровищах. Для этого даже необязательно испытывать к клиенту симпатию. Если бы это имело значение, я бы не соглашалась и на половину работы, которую мне предлагают. Чаще всего я даже не знакомлюсь с клиентами лично. Задания мы обычно получаем по телефону или по почте. Важно лишь, чтобы их претензии на антиквариат были законны. Ситуаций, когда кто-то специально приезжал к нам домой и участвовал в поисках, раньше не происходило. Невзирая на это, я решаю насладиться восторгом, который, как всегда, охватывает меня после удачного хода. Как правило, мне не нужно шампанское, чтобы его усилить, но сейчас оно действительно вкусное и явно возмутительно дорогое. Сделав еще один глоток, я облизываю губы. Ангел рядом со мной беспокойно ерзает. Не будь это немыслимо, решила бы, будто заставляю его нервничать. Вновь концентрируюсь на проблеме. Если расшифровать текст, мы сделаем большой шаг вперед... по крайней мере, я на это надеюсь. Мне никогда раньше не приходилось искать артефакт, который пропал так давно, и я далеко не настолько в себе уверена, как прикидываюсь. Вот только ангелу ни в коем случае нельзя об этом догадаться. Наша сделка не должна сорваться.

Когда мы добираемся до его дома, Азраэль ведет меня не в подвал, а в поразительно современно обставленную гостиную. Пол покрывает темный паркет, а стены оклеены красивыми обоями в стиле ретро. Крупный зеленый узор создает неповторимую атмосферу. Такого я не ожидала, но это определенно работа дизайнера интерьера, причем женщины. В центре друг напротив друга расположены два светло-коричневых кожаных дивана. Классически британский тут только старый открытый камин. Вся остальная мебель представляет собой микс эпохи Баухаус и дорогого антиквариата. Несмотря на различия, все детали идеально сочетаются между собой и выглядят такими аккуратными, словно комнатой никогда не пользовались. Неудивительно, что сегодня утром ангела так шокировал мой хаос. Порядок не входит в число моих сильных сторон. На одном из диванов уже сидит Гор, а напротив него – еще один мужчина, на вид его ровесник.

– Ты меня не дождал, – сердито заявляет бог, когда мы входим. – Я бы тоже поехал с вами. Но ты пожелал, чтобы Тарис принадлежала только тебе.

– Ты глубоко и крепко спал, – защищается Азраэль. – Как будто ты бы встал раньше обеда.

Гор приподнимает одну бровь:

– Сейчас еще не обед, если ты не заметил. И я голоден. Энола! – орет он. – Принеси мне кофе и печенье.

– Ты нормальный? – напускаюсь я на него. – Не сомневаюсь, что ты и сам в состоянии найти кухню.

– В состоянии, но ей это в радость, – провокационно усмехается он.

Ладно, это не мое дело. Если пери такая дура и живет с двумя мужчинами, нужно научиться добиваться своего. Она меня вообще терпеть не может, с чего бы мне бороться за ее права?

Темнокожий мужчина с улыбкой встает и приближается ко мне. Взяв мою ладонь, оставляет на ней невесомый поцелуй.

– Данте Карпентери, – представляется он. – Ты хотел спрятать от меня эту леди, Аз?

– Будь у меня хоть малейшие шансы на успех, я бы, наверное, попытался, – деловито отвечает ангел, после чего обнимает мужчину: – Рад, что ты приехал.

– Гор вчера написал мне сообщение, и я сразу выдвинулся.

Этот мужчина – джинн, о котором мне рассказывал Азраэль. Он принц, следовательно, скорее всего, один из сыновей королевы Саиды. Она правила своим народом еще до ухода Атлантиды под воду. И их род относится к маридам.

Сами джинны делят себя на три вида. Маридаы обладают способностью исполнять желания. Гули гораздо сильнее маридаов физически, но далеко не так умны. Многие из них оборотни. И наконец, ифриты – низшие джинны без особых способностей.

У Данте темная блестящая кожа и сапфировые кошачьи глаза, которым позавидовала бы любая женщина. Видимо, короткие курчавые волосы иссиня-черного цвета он пытался уложить с помощью небольшого количества геля, но не преуспел. Джинн примерно такого же роста, что и Азраэль, но более стройный. Он очень элегантно одет. В мочках ушей сверкают бриллианты, а в левой брови – два серебряных колечка. У него острые черты лица, и благодаря аристократичной внешности Данте выглядит опаснее Гора. Только ни одному из этой троицы не удастся меня обмануть. Каждый всего лишь играет свою роль. Гор – милый соседский мальчик. Азраэль – опасный плохой парень, а кем станет Данте, мне еще предстоит выяснить. Полагаю, он будет играть умного и рассудительного, хотя на первый взгляд его пирсинг свидетельствует об обратном.

Вслед за нами в гостиную входит Энола. Данте обнимает ее, слегка отрывая от пола.

– Ты ведь хорошо присматривала за мальчиками?

– А разве я не всегда этим занимаюсь? – как только ноги вновь касаются пола, ворчит Энола, явно пребывая в плохом настроении. – Сам возьмешь, что тебе нужно, – рычит она на Гора, который на секунду кажется сбитым с толку.

Данте закидывает одну руку ей на плечи и тянет за собой к дивану.

– Расскажите мне все, – просит он. Произношение у него не столь идеальное, как у Гора и Азраэля. Джинны общаются на собственном языке, и сейчас акцент прекрасно слышно. Он очаровательно подчеркивает гласные, и речь звучит почти как музыка, как нельзя кстати подходя к экзотической внешности. – Это тот самый скипетр, о котором я думаю?

Азраэль, который держит в руке скипетр Уас, кивает. Не знаю, что и думать о том, как он свободно делится информацией. Ладно, они его друзья, но, по-моему, это все равно легкомысленно. «Осторожность прежде всего», – сказал бы Малакай.

– Скипетр Уас Рамзеса, – произносит Гор, только сейчас замечая его. – Где ты его взял?

В двух словах Азраэль пересказывает друзьям, как мы его раздобыли.

– Можешь принести ремень? – обращается он к Эноле. – Он в сейфе.

Та встает с намерением мгновенно покинуть комнату.

– И будь добра, принеси нам кофе и чай, пожалуйста, – поднимает на нее взгляд Данте, и она кивает.

Джинн поворачивается к Гору:

– Когда пришло твое сообщение, я как раз был на пути к вам. Есть кое-что, о чем вам следует знать, и моя мать хотела, чтобы вы узнали это от меня. – Он откашливается.

– Не растекайся мыслью по дереву. – Гор слегка наклоняется вперед: – Выкладывай. Она собралась тебя женить? Мы должны стать свидетелями? Ты же не позволил втянуть тебя в это дерьмо, не так ли? Исрафилу это не понравится.

Азраэль садится рядом с джинном, а я занимаю место возле бога. Ангел кладет скипетр Уас на стоящий между двумя диванами стол.

– Нет, не это, – отрицательно качает головой Данте.

– Исида нашла нового любовника? Моей матери пора бы уже начать вести себя соответственно возрасту, – бурчит Гор.

– Речь не об Исиде и не обо мне, а о Сете. – Данте делает паузу, как будто хочет морально подготовиться, прежде чем произнести следующую фразу. Делает глубокий вдох, прижимает ладони к коленям и выкладывает ошеломительную новость: – Ра отменил наказание Сета. Он его отпустил. Сет поклялся, что будет слушаться.

Атмосфера мгновенно накаляется, и в то же время создается впечатление, словно комната сжимается. Не выясни я вчера, что не сумею отсюда убежать, сейчас непременно попробовала бы. Однако мне не хочется, чтобы в этот раз Энола вонзила в меня когти. Такое ощущение, будто Гор и Азраэль вытягивают из воздуха весь кислород, пока джинн настороженно барабанит длинными пальцами по ногам.

– Не может быть, – сквозь зубы цедит ангел. – Ра не мог так поступить.

– Боюсь, все же мог, – тихо говорит джинн. – Я здесь, чтобы сообщить тебе о решении. Оно принято. Сет отбыл наказание, и Ра дает ему еще один шанс. Большинство аристов с ним согласны. Зевс считает, что нельзя лишать Сета такой возможности, ведь Прометей тоже ее получил. Один снова вспомнил ту старую историю с Локи, а Чаак вообще не явился. Ра объявил, что Сет расплатился за свои деяния.

– За то, что он сделал, не существует расплаты! – выплевывает Гор. – Поверить не могу, что Исида и Осирис согласились. Он виновен в гибели нашего мира.

– Осирис и Исида не согласились, но большинство проголосовало иначе. К сожалению, три высших ангела поддержали мнение Ра. Даже Исрафил. – Данте поморщился: – Мне очень жаль. Я ничего не мог сделать. На этом заседании я был лишь немым наблюдателем, а королева воздержалась от голосования.

– Ты присутствовал на слушании? – Азраэль сжимает руки в кулаки.

Данте кивает.

– Если бы мне позволили, я бы сообщил тебе ранее, но заседание проходило в строгой секретности. Сет блестяще защищался и приводил аргументы. Я не удивлен. Трех тысяч лет вполне достаточно, чтобы продумать, как убедить Ра и аристов.

– Это точно. – Ангел трет руками лицо. – Он всегда великолепно манипулировал окружающими. Даже Нейт пару раз занимала его сторону.

В его голосе неожиданно звучит горечь. Неужели он до сих пор скучает по возлюбленной? Она была богиней, а Сет – богом. Интересно, связан ли сей факт с ненавистью Азраэля к Сету? Уж не ревновал ли он? Хотя ангел выглядит таким холодным, что подобное трудно себе представить. Но не исключено, что раньше он вел себя иначе. Вероятно, за двенадцать тысяч лет меняются даже ангелы.

Данте достаёт портсигар, предлагает остальным, но все отказываются. Потом зажигает сигарету искрой огня, которая танцует на кончике его пальца. Я стараюсь сохранять невозмутимость. Джинн даже не пытается скрывать от меня свои таланты. Когда он выдыхает дым, комнату наполняет аромат мирры и ладана. Его лицо принимает обеспокоенное выражение.

– А в чем, собственно, проблема? – спрашиваю я у напряженных собеседников. – Сет пошел войной на других богов, но в долгой истории бессмертных он не один такой. Если я правильно помню, даже Кронос отсек своему отцу, Урану, пенис... что заставляет задуматься, не слишком ли вы, бессмертные, зациклились на своих гениталиях.

Гор сдавленно хрюкает от смеха, а Данте и Азраэль совершенно не обращают на меня внимания. Ну и ладно. Нет так нет. Я откидываюсь на спинку дивана. Эта ссора меня не касается. Для меня важно лишь то, не перечеркнет ли возвращение Сета мои планы. Отправится ли бог хаоса на поиски скипетра или он отказался от этой затеи? Судя по выражению лица Азраэля, он в это не верит.

Данте тихо вздыхает:

– Возможно, тебе стоит допустить мысль, что за прошедшие три тысячи лет он изменился. Вдруг он правда раскаивается в содеянном и поможет нам искать?

Азраэль и Гор одновременно фыркают.

– Он и тебя одурачил или это заслуга Исрафила? Ты ведь до сих пор спишь с ним, да?

– Это к делу не относится, – огрызается Данте. – Я же не интересуюсь твоими любовницами.

– А я и не сплю с одним из аристов.

– Я там был. – Данте мудро не вступает в дискуссию о своей личной жизни. – Вы его не видели. Сет не тот человек, которым был прежде, к тому же каждый заслуживает второго шанса. Но это не означает, что мы не должны проявлять осторожность.

Кулак с яростью ударяет по стеклянной столешнице, которая со звоном разбивается. Прежде чем соображаю, что происходит, меня плавно поднимают вверх, и пару секунд спустя я обнаруживаю себя в углу комнаты. Мелкий песок образует надежный барьер между мной и брызнувшими во все стороны осколками.

– Прошу прощения. – Данте внимательно смотрит на меня, удерживая за плечо. – Надо было как-то помягче им это преподнести, и прежде всего без свидетелей. Знал ведь, какой у них темперамент. Но я надеялся...

На что он надеялся, мне узнать не дано. Гор издает такой гневный крик, что приходится закрыть уши руками. Снова разбивается стекло, свет мигает и тут же гаснет, в то время как снаружи слышен раскат грома. Следом внезапно наступают мертвая тишина и темнота. Мне собственную руку не рассмотреть, ведь с улицы тоже больше не проникает свет. Не может быть, чтобы со злости Гор вызвал солнечное затмение.

Рядом снова вздыхает Данте, но так и не отпускает меня.

– С самого начала следовало понимать, что с ними невозможно вести серьезный разговор. Зачем я вообще напрягаюсь? Иногда мне кажется, что за последние двенадцать тысяч лет они ничуть не повзрослели. – Сейчас он звучит как раздраженный отец. – И моментально исчезают, как только начинаются сложности. Я не могу так работать. – Джинн отпускает меня. – Просто стой на месте и не наступишь на осколки. – На кончиках его волос вспыхивают маленькие язычки пламени, танцуют на плечах и на подушечках пальцев. Они слегка разгоняют мрак. Данте удаляется, но его успокаивающий голос никуда не девается. – Я бы с удовольствием познакомился с тобой при других обстоятельствах. У тебя голова не кружится? Плохо себя чувствуешь?

– Да все нормально. Энола меня вчера уже чуть не придушила, так что я привыкла к проблемам.

Данте тихо смеется.

– Добро пожаловать в клуб. Эта троица такие приятные и интересные личности.

– Перед ними сложно устоять, – сухо прерываю я. – Из-за чего Гор так взбесился?

– У них с Сетом всегда были сложные отношения. Аз не рассказывал тебе старые истории?

– Рассказывал. – Под подошвами Данте хрустит стекло, и снова загорается свет. – Но я все равно считаю, что это перебор.

– Ты снова стал гонцом с плохими вестями? – спрашивает появившаяся Энола. Обнаружив меня в углу комнаты, одаривает презрительным взглядом. И сразу защищавший меня песок падает на землю, словно вуаль.

– Я старался быть дипломатичным, – оправдывается джинн. К моему облегчению, за окном вновь показывается полуденное солнце.

– Как Гор это сделал? – Я пытаюсь взглянуть на небо.

– Божественные штучки. – Энола поджимает губы. – Принесу пылесос.

– Ты не обязана за ними прибираться! – кричу ей вслед. – Они сами могут выбросить свое барахло!

Она даже не оборачивается, а глаза Данте сверкают. Огонь исчез.

– Без Энолы парни оказались бы в полной заднице. Так было всегда. Оставь ее, пусть делает. Она все равно не станет тебя слушать.

– Куда они делись? – Я ищу взглядом скипетр Уас. Он лежит среди осколков стола. Осторожно перешагнув через стекло, поднимаю и осматриваю его. К счастью, жезл не пострадал.

– Гор пойдет к Исиде, а с Азраэлем никогда точно не угадаешь. Возможно, не появится еще пару веков.

Пугающая мысль, хотя ангел мне не особо нравится. В конце концов мы заключили сделку, и он не может просто так от нее отказаться.

– Если его все еще интересуется Скипетр света, то он должен со мной связаться. – Голос у меня слегка дрожит. Гнаться мне, что ли, за ангелом и напоминать ему про наш договор?

– Где ремень? – интересуюсь у вернувшейся Энолы.

Данте щелкает пальцами. С кончиков срывается огонь, превращая все обломки и битое стекло в песок. Легкое движение руки – и он небольшой кучкой приземляется перед трубой пылесоса. Надо же, как практично.

– По-прежнему в сейфе Азраэля, – отзывается она лишь после того, как избавляется от всего песка. – Там, где и должен быть.

– Мы могли бы попробовать его расшифровать, – предлагаю я, заранее зная ответ. Не без ее господина и повелителя.

– Я найду его и дам тебе знать, – вмешивается Данте, пока я не сцепилась с пери. Мое самообладание тоже висит на волоске.

– Три дня. Я остаюсь на три дня. Если до тех пор он не объявится, я возвращаюсь домой и забираю с собой скипетр Уас, – отрезаю я. – Если он понадобится, ангел в курсе, где меня найти. – И решительно направляюсь в коридор.

– Естественно. – Достав мое пальто из гардероба, Данте помогает мне его надеть. – Гор рассказал мне про задание Осириса. Не хочу лишать тебя мотивации, но маловероятно, что ты сумеешь найти Скипетр света.

Я застегиваю пальто.

– Я все нахожу.

В его синих глазах сверкают черные звезды.

– Еще Гор рассказал, что ты не позволяешь Азу тебя запугать. Бьюсь об заклад, это выбивает нашего ангела из колеи. Обычно он избегает уверенных в себе женщин.

– Что, кстати, говорит не в его пользу! – парирую я, распахивая входную дверь. Меня встречает свежий осенний воздух, и я вдыхаю его полной грудью.

Энола скрылась где-то в глубине дома, даже не попрощавшись. Хотя я не расстроюсь, если больше никогда с ней не увижусь. Данте спокойно следует за мной, и мы вместе немного проходим по улице, пока он не останавливает проезжавшее мимо такси.

– Ты не против, если я составлю тебе компанию? У меня нет машины в Лондоне. – Он придерживает мне дверь, а когда мы садимся в автомобиль, берет у меня из рук скипетр Уас. – Аристой знали, что Ра потребует освободить Сета, поэтому и поручили Азу отыскать Скипетр

света именно сейчас. В качестве меры предосторожности. Ра хоть и не один из аристов, но никто не перечит желаниям бога солнца.

Закинув ногу на ногу, я поворачиваюсь к джинну:

– Если я найду Скипетр света, что вы будете с ним делать?

– Скипетр обладает необыкновенной силой, и если попадет не в те руки... – Он прочищает горло: – Дело не в том, что они собираются с ним сделать. Нельзя допустить, чтобы его заполучил Сет.

– Разве Гор с самого рождения не был для Сета бельмом на глазу? – уточняю я и внезапно замечаю подозрительные взгляды таксиста в зеркало заднего вида. – Мы репетируем пьесу, – с широкой улыбкой объясняю я.

Данте запускает пальцы в волосы, и теперь о том, чтобы приручить его кудряшки, речь вообще не идет.

– Можно и так сказать. Сет хотел занять место Осириса в совете аристов и править египетскими богами, но он всего лишь брат Осириса, тогда как Гор – его сын. У него больше прав, но у Сета имелись влиятельные союзники среди бессмертных. Он боролся всеми силами, чтобы не дать Гору занять трон. В одной схватке даже вырвал глаза и закопал их.

Это место в источниках всегда казалось мне особенно жестоким.

– Правда, что Хатхор лечила Гора молоком газели, пока у него снова не выросли глаза? – с любопытством задаю следующий вопрос.

Данте кивает:

– Сет на самом деле испробовал все, чтобы избавиться от Гора. Не получилось.

– Похоже, он действительно не из хороших парней.

Джинн избегает моего взгляда.

– А кто из таких? Хотя только благодаря Сету Осирис стал повелителем загробного мира.

Царства, право на которое никто никогда не оспаривал.

– И Осирису там нравится? – удивляюсь я странной формулировке.

Данте поправляет на шее шелковый шарф. Наверняка джинн в Лондоне дико мерзнет.

– Это не самое плохое место. Там нет войн. По крайней мере, не в полях праведников.

– Не знаю, сильно ли меня утешило бы такое. Все его любимые остались здесь.

– Поля просто прекрасны. Поверь мне, Осирис ни в чем не нуждается. Даже будь выбор, он бы не покинул свое царство. Кроме того, Исида навещает его чаще, чем ему бы хотелось.

– Ладно, значит, для Осириса плохое, возможно, вылилось во что-то хорошее. Но зачем Ра дает Сету еще один шанс, раз он настолько ужасен?

– Ты не понимаешь. – Разговор становится ему неприятен, я ясно это чувствую. – Тогда были трудные времена. Сет и Осирис разошлись во мнении по поводу того, как править людьми. Немало богов считало, что Сет справился бы лучше. А когда зашла речь о том, что Гор унаследует трон Осириса, конфликт разгорелся заново. Гор – мой лучший друг, но его лидерские качества, мягко говоря, не на высоте.

– То есть ты думаешь, что Ра совершил ошибку, забрав Сета к себе на небо? Он должен был унаследовать трон Осириса?

– Я вообще ничего не думаю. Это решение аристов, и Сет тогда проиграл. Аз рассказывал тебе о Нейт?

– Да.

И от меня не укрылось тоскливое выражение на лице ангела, когда он рассказывал о затоплении. Потеряв возлюбленную двенадцать тысяч лет назад, Азраэль до сих пор скорбит о ней. Это... безумие. Наверняка его мучают невыносимые угрызения совести, и вероятно, он винит себя в ее смерти. Я никогда не заводила отношений дольше, чем на несколько ночей, не говоря уже о мужчине, который бы меня любил. Поэтому задаюсь вопросом, каково это.

– Потеряв ее, он едва не лишился рассудка и, естественно, винил в этом Сета, хотя тому тоже нельзя было возвращаться в Атлантиду. Никто из нас не знал, что случится, если скипетр покинет остров. – Данте делает короткую паузу, и у меня появляется отчетливое ощущение, что он хочет поделиться со мной чем-то еще. Однако он лишь откашливается и продолжает: – Каждый заслуживает второго шанса. Сет был молодым властолюбивым богом, то есть ничем не отличался от своих предков. Исида как-то отравила Ра, и это сошло ей с рук. Боги ни в чем не уступают друг другу. – Его лицо приобретает задумчивое выражение. – А вот ангелы очень злопамятны и не умеют прощать. Это не в их природе.

Последняя фраза звучит как предостережение. Но ровно в тот момент, когда становится по-настоящему интересно, такси тормозит перед моим отелем.

– Скипетру под силу вернуть Атлантиду?

Данте на мгновение застывает, пристально уставясь на меня. В очередной раз отмечаю, насколько его пирсинг не вяжется с элегантным образом. Он гораздо рассудительнее друзей.

– Нет, – поспешно отвечает он, избегая смотреть на меня. Наверное, человеку, который не привык читать по лицам, это не бросилось бы в глаза. А вот мне – да, и это в который раз свидетельствует о том, что они от меня что-то скрывают. Все четверо, даже милый простодушный Гор. – Нам важно не это.

Я выгибаю бровь, когда он вновь переводит взгляд на меня, но затем Данте покидает машину, обходит ее и открывает мою дверь.

– На твоём месте я бы не заговаривал с Азом на тему возвращения. – В голосе джинна звучит тревога. Возможно, он уже наговорил мне лишнего.

К сожалению, во мне лишь еще сильнее разгорелось любопытство. Решаю еще раз повнимательнее изучить старые истории, а также роли, которые сыграли в них ангелы.

– Если твоё предположение верно, – произношу я самым милым тоном, выходя из салона, – он все равно исчез на несколько сотен лет. Поэтому можешь не переживать.

Данте смотрит на меня с серьезным выражением лица.

– А тебя, Нефертари де Вески, не стоит недооценивать.

Я похлопываю его по груди скипетром Уас:

– Ты прав, но подобную ошибку совершали многие, так что не расстраивайся.

Его губы складываются в заразительную улыбку.

– Я начинаю надеяться, что у тебя получится то, что еще не удавалось никому до тебя. –

Шагнув в сторону, он пропускает меня.

– Три дня, – напоминаю на прощание, надев на лицо маску безразличия. – Даю ему три дня, потом уезжаю.

Кивнув, джинн садится обратно в автомобиль. А я близка к тому, чтобы вызвать второе такси и последовать за ним. Данте сто процентов знает, куда пропал его друг.

Азраэль

– Предполагается, что ангел, которому больше двенадцати тысяч лет, способен лучше контролировать эмоции.

Протерев носовым платком липкий барный стул, Данте садится на него. Со страдальческим выражением лица кладет руки на потертую и поцарапанную стойку. Всегда забавно наблюдать, насколько он брезглив. В нормальных обстоятельствах ноги бы его не было в этой пивной, но он ведь настоящий друг.

– Как дела у Нефертари? – Я отпиваю глоток виски. Уже перестал обращать внимание, какой по счету это стакан. – Уехала или спряталась куда-нибудь и трясется от страха?

Данте приподнимает черную бровь, потому что второй вариант очень маловероятен.

– Первым делом спрашиваешь про девчонку? Любопытно.

– Исрафил приказал мне вести себя с ней мило и вежливо, – объясняюсь в ответ на реплику своего чересчур внимательного друга.

– И как вообще высшему ангелу в голову пришло ставить такие требования? Ты же всегда такой душка.

Я лишь рычу и подзываю бармена, чтобы тот налил мне еще.

– Где Гор? – спрашивает Данте.

– Маменькин сынок у своей мамочки. Плачется в жилетку.

Поставив стакан перед Данте, бармен собирается налить ему тоже. Джинн жестом останавливает его и своим белоснежным носовым платком полирует стекло до идеального блеска. Мужчина за стойкой терпеливо ждет. Он привык к странным гостям, ведь в этот кабаk постоянно ходят бессмертные. К тому же он ифрит, а Данте его принц.

– Исида ничего не смогла поделывать, – втолковывает мне он, наконец получив свою выпивку. – Гору пора прекратить заползать к ней на коленки каждый раз, когда возникают проблемы.

У меня вырывается тихий стон. Вообще-то я просто собирался сидеть тут и зализывать раны. Только Данте так же любит слушать собственный голос, как и Нефертари. А о ней я в принципе не хотел думать. За три дня я срывался на нее чаще, чем за прошедшие четыреста лет. При этом у меня такое чувство, будто мы могли бы... Понятия не имею, кем мы могли бы стать. У меня достаточно друзей, еще одна подруга мне не нужна. Тем более столь нахальная бестия.

Запах миндального масла и роз щекочет мне ноздри, когда рядом вдруг отодвигается барный стул. Не могу в это поверить.

– Ты что, преследовала меня? – Данте непросто выбить из колеи, но в данный момент его голос звучит непривычно высоко. – Как ты это сделала?

Я прячу улыбку.

– Если ты подумал, что я вызвала такси и сказала водителю: «Следуйте за той машиной», – отвечает она, имитируя тон Джеймса Бонда, – то, увы, вынуждена тебя разочаровать.

Данте ошарашенно качает головой, и я все-таки тихо смеюсь.

– Я бы хотела пино нуар, – просит она бармена. – Самое дорогое, что у вас есть. Мои друзья меня угощают. – Девушка одаривает ифрита, который в своем нечеловеческом облике выглядит как голубая сущность без ног, неотразимой улыбкой.

– Сейчас будет, миледи, – услужливо говорит он, демонстрируя заостренные серые зубы. Она и глазом не моргает.

– И все же как ты нас нашла? – не отстает Данте.

– Не очень-то и сложно. Я добралась до своей комнаты, освежилась, припудрила носик, вытряхнула осколки из свитера и позвонила в диспетчерскую службу такси. Там мне весьма любезно сообщили, куда тебя отвезло такси с номером 4468, – широко улыбается Нефертари.

– Ты запомнила номер такси. – У Данте открывается рот, и я захопываю ему челюсть. Больше всего он ненавидит выглядеть глупо.

– А ты никогда так не делаешь? – Ее улыбка просто ослепительна, и на миллисекунду я задаюсь вопросом, каковы на вкус эти губы без следа помады.

Удовольствия узнать это я никогда не испытаю. А если бы находился в здравом уме, то это стало бы последним, чего бы мне захотелось. Такая путаница в мыслях связана исключительно с тем, что я уже давно не ходил на свидания. И это упущение срочно нужно наверстать. Но, к сожалению, мне жутко надоели эти одинаковые встречи.

– Столько всего может произойти, – заявляет Нефертари. – Можно, например, забыть что-то важное в машине...

– На будущее возьму себе в привычку. – Данте залпом опустошает свой бокал. – Глупо с моей стороны до сих пор упускать из виду этот момент.

– Ладно, раз уж мы снова все вместе и успокоились, продолжим расследование? В отличие от вас я не могу тратить свою жизнь на то, чтобы просто сидеть и дуться. Тем более пару сотен лет. – Она припечатывает меня строгим взглядом.

Я разворачиваюсь к Данте и злобно смотрю на него:

– Ты сказал ей, что я буду пару сотен лет сидеть в углу и дуться?

Тот пожимает плечами:

– Я просто хотел дать ей стимул, и посмотри, вот она здесь.

Нефертари, громко рассмеявшись, поднимает бокал, чтобы чокнуться с джинном, хотя его стакан уже пуст.

– Тушэ.

Я чувствую себя слегка обделенным, но воздерживаюсь от колкого комментария. Капля самоуважения у меня все-таки еще осталась. За такое короткое время ей удалось разрушить образ, который мне самому нравилось носить. Она делает пару глотков вина, пока Данте оплачивает счет. При виде суммы он морщит нос, хотя просто неприлично богат. Впрочем, он настолько же скупой, насколько деятельный.

– Идем? – Нефертари встает и смотрит на меня как гувернантка. – Я хочу наконец-то узнать, что написано на ремне.

– Пойду позвоню Исиде, – говорит Данте. – Она отправит Гора к тебе домой, испытывая искреннюю благодарность, что мы снимем сыночка с ее шеи. У Исиды два новых любовника, и чего ей сейчас не хватает, так это рыдающего отпрыска. – Плавной походкой он покидает грязный зал, и я не сомневаюсь, что, как только мы окажемся у меня дома, он первым делом переоденется, а костюм, который на нем сейчас, сожжет или выбросит.

Нефертари собиралась последовать за ним, но я ее останавливаю.

– Насчет того, что случилось, – произношу я. – Прошу прощения.

Так часто, как перед ней, я сотни лет не извинялся. Особенно перед женщинами. В тусклом свете не вижу ее глаза, однако голос звучит острее, чем лезвие кинжала.

– Еще один подобный номер, и я уеду, – отрезает она. – И в таком случае буду ожидать, что ты все равно сдержишь свое обещание.

Девчонке на самом деле хватает наглости ставить мне ультиматум. Выпрямив спину, я поднимаюсь, чтобы осадить ее за дерзость. Но Нефертари кладет ладонь мне на грудь. Сквозь тонкую ткань ко мне устремляется ее тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.